

"Невезучка"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Невезучка

Несколько смешных историй из жизни семилетнего человека, которому не везет.

Иосиф Ольшанский

Художник - Пётр Репкин

Невезучка обращается к читателям

По-настоящему меня зовут Костя, и мне семь лет. Если вы не будете смеяться, то я назову и свою фамилию. Моя фамилия — Пробочкин.

А Невезучкой я сам себя прозвал.

Конечно, вы сами уже догадываетесь, почему я так себя прозвал: мне очень в жизни не везёт.

Только вы, пожалуйста, не подумайте, что мне не везёт потому, что у меня слабая воля. Воля у меня сильная, и когда я хочу чего-нибудь добиться, то я обязательно добьюсь!

Например, я захотел добиться, чтобы у меня был двухколёсный велосипед, и добился — мне купили велосипед. Это ещё что!.. Вот недавно я решил закаляться и вышел в пятнадцатиградусный мороз в одной рубашке, без пальто и без шапки...

И всё-таки мне не везёт. В этом я ни капельки не виноват, просто как-то так получается, что не везёт...

А в чём это выражается?

Это выражается в том, что я всегда хочу сделать что-нибудь хорошее, а получается совсем по-другому. И обязательно так получается, что виноват я. И на меня начинает сердиться и злиться.

Вот я вам сейчас расскажу подробно, и вы сами увидите, правильно я говорю или неправильно.

Самое первое невезение

Моё невезение началось ещё с самого-самого раннего детства.

Человек не может сам себе выбирать день, когда ему родиться, и я, конечно, не виноват, что родился 29 февраля.

Вот вы сейчас скажете: «Ну и подумаешь!.. Что тут особенного — 29 февраля?»

А то особенное, что в месяце феврале 28 дней. И только один раз в четыре года в нём появляется ещё один, двадцать девятый день. И такой год называется «високосный», не слышали?

Значит, 29 февраля бывает не каждый год, а только раз в четыре года. Вот и получается, что день рождения у меня бывает только один раз в четыре года!..

Справедливо это, да?

Правда, обычно мне его переносят. На следующее воскресенье. Мама говорит: «Ничего, Костя, мы тебе в следующее воскресенье праздник устроим. Позовёшь ребят, бабушка пирог испечёт».

Но, во-первых, это всё-таки не настоящий день рождения. А во-вторых, почему-то как раз в это воскресенье что-нибудь случается. И тогда всё переносят ещё на следующее воскресенье...

А взять, например, Вовку Макарычева. Он живёт со мной в одном доме и учится вместе со мной в одном классе. Так он в своей жизни целых семь раз праздновал день рождения!

А я в своей жизни всего только один разочек отмечал день рождения и всё. Мне было тогда четыре года — на год меньше, чем сейчас моему младшему брату Мишке, — и я уже забыл, как это всё происходило. А второй день рождения будет у меня только тогда, когда мне исполнится восемь лет. А третий — когда двенадцать лет.

Мама смеётся и говорит, что я зато хорошо усвою, какие цифры делятся на четыре. Хорошо ей смеяться, а по-моему, лучше насчёт цифр усвоить позже, а чтобы день рождения был каждый

год.

Невезучка приглашет гостя

Я хотел сейчас перейти к моей фамилии, но раз я уже начал рассказывать про день рождения, то я ещё немножко расскажу об этом.

В один прекрасный день выхожу я во двор. Это было в прошлом году зимой, когда я ещё не учился в первом классе.

Выхожу и вижу — ребята делают снежную бабу.

Конечно, Вовка Макарычев тут как тут и пытается всеми командовать. А сам совсем даже не работает. Ходит себе с новой шпагой, то начнёт вынимать её из ножен, то снова вставляет и всем отдаёт разные приказания.

А шпага у него не какая-нибудь самодельная, а самая настоящая. Только кончик у неё почему-то не острый, а такой, кружочком.

Я начал помогать ребятам делать бабу, а на Вовку Макарычева и на его приказания нарочно не обращаю никакого внимания: подумаешь, если у тебя настоящая шпага, значит, ты можешь распоряжаться и всеми командовать?..

А он подходит ко мне и говорит:

— Делай, Пробка, скорей голову для снежной бабы, а я два раза проткну шпагой, и в этих местах сделаются круглые глаза!

Конечно, я не стал делать поскорей голову, а Макарычев опять вынимает шпагу и говорит:

— Это мне мой дядя из Новосибирска привёз. Ко дню рождения. Он папин брат. А в Москве у меня другой дядя — мамин брат. Он мне другую вещь подарил. Тоже ко дню рождения.

И как ни в чём не бывало вынимает из кармана автоматический карандаш. Не простой, с

чёрным грифелем, а такой, что к нему полагаются разные цветные грифели.

Буду я завидовать Макарычеву: я не завистливый! Но мне просто стало так обидно! Не потому, что Макарычев получил подарки, а потому, что у меня в этом году не будет дня рождения, а у него в этом году был день рождения. И он стоит и хвалится, как будто это его достижение. И я ему сказал:

— Подумаешь, а у меня сегодня день рождения!..

Я даже не знаю, как у меня вырвались эти слова. Мне тут же стало ужасно стыдно, потому что я никогда не говорю неправды. И я сразу хотел сознаться, что пошутил, и я бы это обязательно сделал, если бы Макарычев не сказал одну фразу.

Он сказал:

— А ты не врешь?

И когда он так спросил, я почему-то уже не мог сознаться, что я пошутил. Я только пробормотал:

— Вот ещё...

Макарычев вдруг спрашивает:

— А ты меня приглашаешь?

Ну как тут можно ответить, когда тебя так прямо спрашивают?

Я и говорю:

— Пожалуйста...

Макарычеву всего этого мало, и он опять спрашивает:

— А когда мне прийти?

— Ну, вечером...

— В котором часу? Подумайте только, какой привязчивый...

— В котором?.. В семь часов!

Мы стали снова играть, и я совсем про это забыл.

А когда мама пришла с работы, оказалось, что она купила два билета на советскую кинокомедию «Полосатый рейс».

Сначала мама думала, что я пойду в кинотеатр с Мишкой. Но бабушка сообщила, что её младший внук вёл себя отвратительно — не застелил свою постель, отказался чистить зубы и заявил, что будет питаться одной жареной картошкой — утром, днём и вечером.

— И после этого ты ещё собираешься доставлять ему удовольствие? _ спросила бабушка.

Конечно, было решено не доставлять Мишке удовольствия, и в кинотеатр я пошел с мамой. Но сначала мама повезла меня в магазин «Детский мио» Там она купила мне брюки — 32-ой размер, первый рост.

Я, конечно, хотел, чтобы она мне купила школьные брюки. Но мама сказала:

— До школы ты их ещё десять раз изорвёшь. А одна тётя, которая стояла рядом, сказала:

— И не говорите.

— А чего не говорить? Что, я их нарочно рву?

Потом мы смотрели кинокомедию. Все кругом смеялись и хохотали, особенно, когда тигры бегали по палубе. Один я не хохотал, не смеялся и даже не улыбался: я вспомнил, что Макарычев обещал прийти вечером на «день рождения». А что, если он действительно придёт?

Когда я об этом подумал, я так расстроился, что совсем перестал смотреть на экран.

— Мама, а когда кончится сеанс? В котором часу?..

Обернулся сосед, сидевший впереди, и мама шепнула:

— Ты мешаешь... Тихо...

— Мама... Ну в котором часу?..

— Около семи, не мешай людям смотреть...

Хорошо ей так говорить, а в каком я оказываюсь положении? Около семи окончится сеанс. Пока дойдём до дома, будет ровно семь. И тут как раз явится Макарычев. Куда я от него денусь?..

— Почему ты не смотришь? — шёпотом спросила мама.

— Неинтересно, потому и не смотрю.

Когда в зале зажёгся свет и все зрители стали выходить на улицу, я попросил маму:

— Давай останемся ещё на один сеанс!

— Какой ты сегодня странный. Костя! Тебе же не понравилось, а ты хочешь остаться ещё на один сеанс...

«Станешь странным, когда тебя ожидает дома такое...» — подумал я, не выдержал и всё рассказал маме.

Я думал— она будет меня ругать: какой маме понравится, что её сын начинает заниматься обманом. Но хотя мама расстроилась — я это ясно видел по её глазам — ругать меня и говорить «ах, ты такой-сякой, зачем ты так поступил!» она не стала.

Она некоторое время шла молча, думая о чём-то своём, а потом сказала:

— Будем надеяться, что Макарычев забыл и не придёт.

Конечно, он пришёл. Пришёл в тот самый момент, когда я примерял новые брюки.

Услышав его голос в передней, я так заволновался, что и вторую ногу засунул в ту самую штанину, в которой уже была одна нога...

Пока я возился со штаниной, Мишка приволок в комнату какой-то большой альбом.

— Это тебе Макарычев принёс подарок!. Он тебя поздравляет с днём рождения!..

В комнату вошёл Макарычев. Сейчас он был совсем не похож на себя: какой-то весь чистенький-чистенький, причёсанный, в новой куртке с молнией — я её ни разу не видел...

— Можно, я в этом альбоме немножко порисую? — спросил Мишка у нашего гостя. Гость сказал:

— Это сейчас не мой альбом, а Костин.

— Рисуй, — согласился я. Но тут вдруг Мишка запоздало обиделся:

— А почему ты мне не сказал, что у тебя день рождения? Макарычеву сказал, а я твой родной брат, а ты мне не сказал...

— Отстань, бери альбом и рисуй.

— Почему ты мне не сказал? — не унимался Мишка: — И мама не сказала, и папа не сказал, и бабушка — никто не сказал...

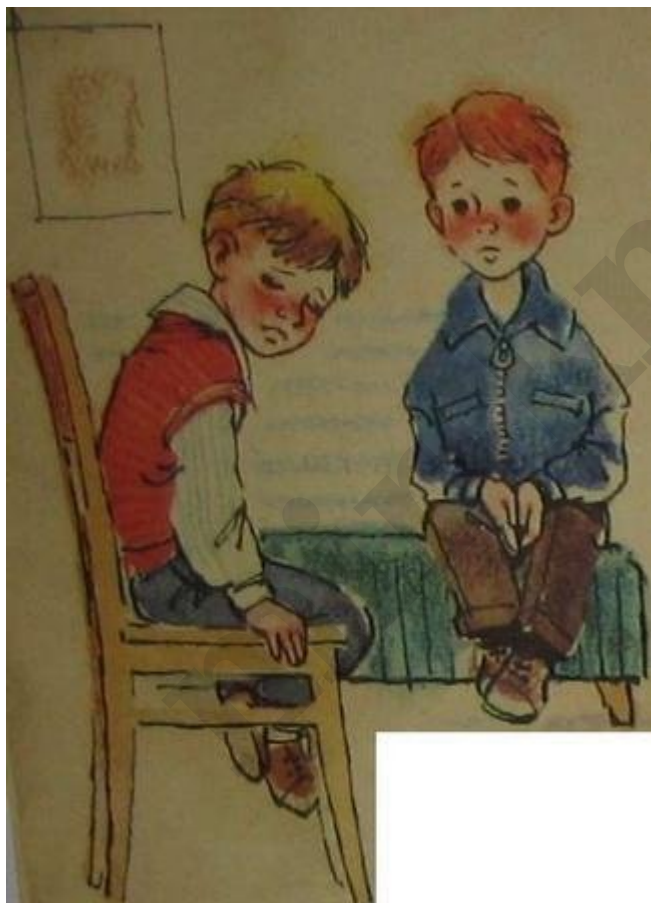
— Потому что у тебя было плохое поведение!

— Ну и ладно. Не мне, а тебе будет хуже. Я бы тебе подарок приготовил, а так не приготовил и ничего тебе не дам!

— Очень мне нужен твой подарок!..

— А мне не нужен твой альбом, рисуй сам, жадина! — окончательно обиделся Мишка и, швырнув альбом на стул, выбежал из комнаты.

Ему-то что... Выбежал из комнаты и всё. А я остался с Макарычевым и даже не знал, куда девать глаза. А тут, как назло, за дверью тихо, и мама не приходит мне на помощь — наверное, совещается на кухне с бабушкой...

— Ты садись, — сказал я Макарычеву, указывая на диванчик. Макарычев послушно сел.

— Если хочешь, ты можешь сесть на этот стул или вот на этот — на какой хочешь, на тот и садись, на любой...

— Я уже сижу, — сказал Макарычев. Разговор у нас не клеился.

И всё-таки мама меня выручила. И бабушка тоже. Они вошли в комнату и стали угощать этого недогадливого Макарычева. Конечно, ничего такого, что бывает на день рождения, не было —

например, мороженого или фруктовой воды «Крюшон». Мы просто ели разные бутерброды и котлеты и пили чай с обыкновенным сахаром и вареньем.

Мишка забыл о своей угрозе питаться одной жареной картошкой. Вместе с нами он уплетал бутерброды и пил чай с вареньем. Он как-то неожиданно перестал обижаться на меня: наверно, мама успела поговорить с ним тихонько на кухне. Напившись чаю, он изрисовал с удивительной быстротой почти все страницы макарычевского альбома и вдруг сказал:

— А у Кости сегодня день рождения!

И протянул мне альбом:

— Вот эти все рисунки, — произнёс он с гордостью, — это я тебе нарисовал. И я тебе их дарю. Это тебе от меня подарок!

Какие это были отвратительные рисунки! Покосившиеся домики — в них даже собакам было бы неуютно, не то что людям; какие-то странные человечки, похожие больше на мышей; даже солнце мой младший брат умудрился изобразить в виде жёлтого паука...

— Правда, хорошо? — спросил Мишка.

Пришлось сказать, что хорошо. Иначе Мишка

стал бы это доказывать весь вечер. А мне ещё хотелось специально для Макарычева поставить пластинку «Петя и волк» в исполнении оркестра. А когда пластинка перестала играть, я показал Макарычеву свои книжки, а одну «Приключения Чиполлино» дал ему — не просто почитать, а насовсем: ведь он же мне подарил большущий альбом, хотя никакого дня рождения у меня не было.

Тут пришёл с работы папа. Мишка ему с удовольствием сообщил, что у меня день рождения. Но папа не успел удивиться: мама быстренько отвела его в сторону, что-то зашептала, и папа ничего не стал говорить, только посмотрел на меня странными глазами.

Если бы они все отругали меня при Макарычеве — и папа, и мама, и бабушка, и Мишка, — мне было бы гораздо легче. Но они меня не ругали, делали вид, что у меня действительно день рождения, и от этого мне было гораздо тяжелее.

Не везёт же человеку!

Невезучкина фамилия и наука

Второе моё главное невезение — это, конечно, фамилия.

Подумайте сами, у всех ребят и в нашем классе, и во дворе обыкновенные фамилии. У некоторых даже красивые. Например, Руднева Оля, Кириллов Гарик.

Ну и разные другие — Разумовская Таня... Даже у Вовки Макарычева все-таки неплохая фамилия, по крайней мере, никто не дразнит. Один только раз я слышал, как подразнили «Макар-Макар!»... А что тут обидного — «Макар»?..

А моя фамилия? Даже повторять её не хочется — Пробочкин.

Ну, было бы там Пробов или даже Пробкин, а то — Пробочкин!..

«А сколько раз меня дразнили! И всё по-разному, кто как может, — то Пробка, то Пробочка... А то ещё — Бутылочкин...

У нас во дворе, в корпусе напротив, есть детский сад. И эти детишки — ну просто мелюзга —

как только услышат, как меня дразнят, так сразу тут как тут и подхватывают своими писклявыми голосами:

— Пробка-Пробочка!.. Пробка-Пробочка!..

Ну, что это за жизнь с такой фамилией?

И вы знаете, мне это так надоело, прямо до того надоело, что я в один прекрасный день пришёл после школы домой и сказал папе, что он должен обязательно переменить нашу фамилию.

Папа сначала посмеялся. Но я стал настаивать, и папа рассердился.

Он сказал, что его отец и его дедушка были уважаемые люди, но им почему-то не приходило в голову менять свою фамилию. И ему лично тоже не приходило.

Я сказал:

— Не приходило, потому что ни тебя, ни твоего папу, ни твоего дедушку не дразнили.

Папа ответил так:

— Дразнят глупые люди. А глупые люди были во все времена — и при моём папе, и при моём дедушке. Но это не значит, что умные люди должны из-за глупых менять свои фамилии. Возьми энциклопедию и посмотри, какие бывают фамилии у некоторых знаменитых людей.

Я так и сделал. У нас есть Малая Советская Энциклопедия. Двенадцать томов. Я стал листать — от буквы «А» до буквы «Я».

Вижу, что все фамилии красивые, одна красивее другой — художник Айвазовский, известный дрессировщик зверей Дуров, гениальный учёный Ломоносов, великий композитор Мусоргский, прославленный лётчик Великой Отечественной войны Трижды Герой Советского Союза Покрышкин, выдающийся скрипач, лауреат международных конкурсов Ойстрах.

Я сказал папе, что в Малой Советской Энциклопедии помещены одни только красивые фамилии. И называю все эти фамилии.

А он смеётся:

— Это все очень известные, очень уважаемые люди. Но вдумайся, такие ли уж у них красивые фамилии: Мусоргский, Ой-страх, Ломо-носов, Дуров...

Я вдумался. Действительно, не такие уж красивые фамилии.

Папа говорит:

— Когда человек приносит пользу обществу и является настоящим гражданином, то любая его фамилия, даже если она некрасивая, начинает всем казаться красивой. Потому что не фамилия красит человека, а, наоборот, человек красит свою фамилию. Теперь тебе понятно?

— Понятно-то понятно, но всё-таки... Почему именно мне должна была достаться такая фамилия? Ну, хоть бы Пробов была или Пробкин, а то — Пробочкин...

Папа сказал:

— Значит не очень тебе понятно, раз ты так говоришь. Подумай ещё. Только как следует. И я стал думать как следует. Я думал только об одном: что же нужно такое сделать, чтобы принести пользу обществу. И тогда обществу моя фамилия будет казаться красивой.

Я спросил об этом у бабушки. Она похвалила меня за такие мысли и сказала, что прежде всего нужно хорошо учиться. И потом надо развивать свои способности. У одних, например, способности к музыке или к спорту; у других — к науке или к рисованию. А есть такие, которые больше всего любят строить разные машины, или такие, _ которые любят природу и выращивают растения. В общем, у всех людей обнаруживаются интересы.

Какой же интерес обнаруживается у меня?

Я думал-думал и вспомнил.

У нас живёт чёрная кошка по имени Гипотенуза. Никто не верит, что её так зовут. Папа

принёс её, когда она была ещё грудная, и дал ей такое смешное имя из науки геометрии. И вот два года назад, когда я был такой, как Мишка, у меня обнаружился интерес, почему наша Гипотенуза очень не любит перец, а валерьяновые капли обожает — даже больше, чем бабушка. А когда попробует этих капель или даже просто понюхает, то вдруг начнёт так бегать и прыгать, как клоун в цирке.

И ещё я вспомнил, что у меня обнаруживался такой интерес: почему попугаи говорят, а лошади и собаки не говорят? Ведь они умнее, чем попугаи, а хоть бы одно словечко сказали.

Может быть, они не говорят просто оттого, что их никто не учит разговаривать? Попугаев же учат говорить разные слова, а лошадей и собак никто не учит.

Правда, Макарычев как-то рассказывал, что один клоун выступал в цирке с учёной собакой, и она говорила: «мама». Отчётливо так выговаривала: «мама»... А что, если завести собаку и начать её учить говорить?

Теперь я рассказал обо всех этих моих интересах бабушке. Она сказала, что меня привлекает наука, которая называется биология, что это хорошо и что я должен продолжать научные наблюдения.

Я обрадовался и с этого дня начал продолжать научные наблюдения.

Бабушка спит с открытым ртом. Когда она спала, я пересчитал все зубы у неё во рту и установил, что у пожилых женщин насчитывается во рту 24 зуба. Потом я стал наблюдать за всеми людьми, которых я встречал, и установил, что седые волосы бывают даже у молодых. Но чаще они бывают у стариков.

А когда мы поехали летом в деревню, я долго думал, что бы там наблюдать. Вдруг к нам во двор вбегают беленькая, очень хорошенькая такая собачка. Никого не боится, а ко мне просто на колени прыгает. А что, если попробовать научить её разговаривать?

Я погладил её:

— Скажи: «ма-ма».

— Ав! — сказала собачонка и вильнула хвостом.

— Ну тогда скажи: «Ми-ша».

— Ав! — собачонка снова вильнула хвостом и стала смотреть мне прямо в рот.

«А всё-таки она понятливая, — подумал я. — Она же не просто тявкает, а только после моих приказаний. Значит, она хочет повторить слова «мама» и «Миша», но пока ещё не может. Хорошо бы оставить собаку у нас. И заниматься с ней как следует».

А пока я решил понаблюдать, сколько секунд она может не дышать.

Я сбежал за сахаром, дал его собаке, а сам вынул носовой платок и стал ждать, когда она кончит есть.

Мишка сидел неподалеку на земле и рыл лопаткой ямки. Ему очень понравилась собака, и он захотел с ней поиграть. Но я ему сказал, что это не простая собака, а для того, чтобы научно наблюдать.

Я не знал, чем выдыхают и вдыхают воздух собаки — ноздрями или пастью. Поэтому, когда она поела сахар и совсем близко подошла ко мне, я прижал её к себе левой рукой, а правой крепко закрыл ей платком ноздри и пасть и стал считать секунды:

— Раз, два, три, четыре...

Мне удалось досчитать только до шести, потому что на седьмой секунде она меня так укусила

через платок, Что я забыл про все секунды и закричал изо всех сил.

Мишка испугался и закричал ещё громче. Наверное, собачка тоже испугалась. Она как помчится куда-то — и скрылась из вида.

Мама услышала крик и выбежала во двор. А за ней выбежала и бабушка. А у меня вся ладонь и палец в крови. Тут они стали охать, переживать и расспрашивать, как это всё произошло. Я молчал, а Мишка сказал:

— Это всё собака. Беленькая такая, маленькая. Костя её научно наблюдал. Мне промыли ранки, залили их йодом. И на этом всё бы кончилось. Но бабушка вдруг говорит:

— А что, если собака бешеная? Надо же тогда срочно делать прививки! Мама даже побледнела и спрашивает:

— Чья это собака?

А откуда я знаю, чья это собака, когда она сама к нам во двор вбежала? Я же её в первый раз вижу. Так я и сказал маме.

Она говорит бабушке:

— Забинтуй ему руку, а я пойду узнаю, чья это собака и здорова ли она...

Мишка заявляет:

— Я с тобой пойду! Бабушка говорит:

— Сиди дома. Не хватает ещё, чтоб и тебя покусали. Мама ушла. А бабушка начала бинтовать мне руку.

Она бинтовала, вздыхала и говорила, что я ребёнок со странностями.

Я ей, конечно, ответил, что странности тут ни при чём и что я занимался научными наблюдениями. Ведь она же сама мне это советовала!

А бабушка сказала, что если я и дальше буду заниматься такими наблюдениями, то на всём моём теле не останется ни одного целого места.

Потом пришла мама. Она была расстроена и сказала, что никто из соседей ничего не знает о маленькой белой собаке. Скорее всего, она бродячая, бездомная...

Бабушка опять начала вздыхать. Потом она ушла с мамой на кухню. И там они долго шептались.

А через полчаса мы с мамой были уже в электричке. И торопились в город к папе, чтобы вместе с ним пойти делать мне прививки.

Когда папа обо всём узнал, он сказал маме, чтобы она обязательно успокоилась. А мне сказал так:

— Я думал, что мой старший сын чуть умнее.

Потом мы поехали в поликлинику. Там одна медицинская сестра в очках стала подробно расспрашивать, как всё это получилось. Она всё внимательно выслушала, принесла шприц и сказала:

— Предупреждаю — будет больно. Но мне тебя не жалко, потому что ты мучил животное.

Всем больным, кого жалко, делают уколы в руку или... в общем, в одно другое место. А мне эта медицинская сестра сделала укол — вы даже не поверите, когда услышите, — в шею!

До чего же было больно! Просто ужасно больно! Даже Леонид Жаботинский — и тот бы закричал от боли.

— Кричишь? — спросила медицинская сестра. — Интересно, ты все три недели собираешься кричать? Или только сегодня?

Выяснилось, что мне целых три недели нужно будет приходить на прививки. Каждый день!

Пока я это переживал, медицинская сестра в очках ушла и пришла другая медицинская сестра, без очков. Она по ошибке решила, что пострадал папа, и сказала ему, что укушенным, когда им делают прививки, категорически воспрещается пить спиртные напитки. И она предупреждает, что их нельзя употреблять шесть месяцев.

Папа выслушал и говорит:

— Спасибо за предупреждение. Но мой ребёнок, как это ни странно, вообще не употребляет спиртных напитков.

Медицинская сестра сказала:

— Ой, извините!..

Потом они оба смеялись, а я чуть не плакал: очень болела шея.

Папа увидел, что я держусь за шею и говорит:

— Терпи. Наука требует жертв.

Потом подошёл врач и сказал папе, что надо постараться обнаружить собаку, потому что её полагается исследовать. Если окажется, что она не бешеная, то мне больше не нужно будет делать прививки. А если у этой собаки появятся признаки бешенства, например, выяснится, что она боится воды и хрипло лает, да ещё глотает тряпки, палки и другие предметы, которые здоровые собаки не глотают, тогда мне придётся сделать 50 уколов, а может быть, даже больше.

Мой папа всегда шутит, даже когда ему досадно. И он сказал, что заготовит много тряпок и пойдёт их скармливать этой собаке.

На другой день папа не пошёл на работу. Он поехал с нами в деревню и там целый день где-то ходил. А пришёл только вечером, голодный и злой. Сначала он ни с кем не разговаривал, а потом не выдержал и засмеялся.

Он сказал, что если бы он поймал, наконец, эту белую собаку, он бы, кажется, её сам укусил. Оказывается, папа весь день гонялся за всеми деревенскими собаками, и многие жители решили, что у него такая профессия.

Но почему-то все собаки оказывались совсем не белыми, а чёрными или даже рыжими.

Он обнаружил только одну белую собаку и то потому, что она никуда не бегала, а сидела себе на цепи около своей будки. Но она была огромная и очень старая.

Мишка спросил:

— А может, она мама той маленькой? Нашей?..

Папа ответил, что белая собака, которую он обнаружил, такая громадная и старая, что скорее всего она бабушка той, которая меня укусила. Или дедушка.

Так как белую собаку всё же не удалось найти, то пришлось мне каждый день ездить на прививки.

Мама и бабушка всё время волновались. Они даже хотели отдать кому-нибудь нашу Гипотенузу. Потому что кошки тоже могут в один прекрасный день стать бешеными: здоровые-здоровые, а вдруг так неожиданно взбесятся, что даже не заметишь.

Мишка всё это слушал. А утром, когда встал, налил в миску воды и начал заставлять Гипотенузу пить. А она, наверное, до этого уже напилась и категорически не хотела пить.

Тут Мишка обрадовался и говорит:

— Вот видишь, она боится воды!.. А теперь давай дадим ей тряпку! Давай, Костя?.. Вдруг она станет глотать, и тогда мы увидим, что она тоже бешеная...

Мне стало обидно за Гипотенузу, и я говорю Мишке:

— А если тебе дать тряпку, ты её будешь глотать?

Мишка подумал и сказал:

— Сам глотай.

Он на меня ужасно рассердился, но не прошло и двух минут, как он опять спросил:

— Костя, а если та собака была бешеная, ты тоже будешь кусаться?

Я его успокоил и сказал, что буду кусаться только тогда, когда он будет мне надоедать. !

Наконец я сделал двадцать одну прививку и перестал ездить в поликлинику. За это время я узнал много по биологии. Я, например, узнал, что есть ещё другие признаки бешенства, кроме глотания разных неподходящих предметов, — это судороги глотательных мышц при виде воды. И вот я думаю: ну что я такого плохого сделал? Почему мне так не везёт? Занимался научными наблюдениями, а получилось что? Так искололи шею и плечи, что целый месяц не мог до них дотронуться. А кроме того, от прививок у меня началась крапивница. Хорошо ещё, что не судороги глотательных мышц...

Опять биология

После случая с укусом я, конечно, перестал проявлять интерес к биологии. И всё-таки я из-за этой биологии пострадал ещё один раз.

Случилось это так.

Папа и мама торопились на работу, а бабушка задержалась в магазине. Я уже позавтракал, а Мишка нет. Он всегда очень долго ест. Он уплетал своё самое любимое блюдо — жареную картошку, и, кроме того, в кастрюльке для него варилось яйцо.

Мама намазала ему на хлеб масло. Мишка съел всю картошку и вдруг заявил, что яичко он будет есть, но без всякого хлеба. Мама удивилась:

— Почему? Мишка говорит:

— Может быть, у меня зубы болят! А у самого глаза хитрые и улыбаются.

Мы сразу поняли, что он сочиняет про зубы. А он повторяет прямо:

— Зубы болят, не буду с хлебом. Это у него часто бывает — такое непонятное упрямство.

Мама спрашивает:

— А жареную картошку ел, зубы не болели? Он говорит:

— Мама, ты не знаешь, от жареной картошки у людей никогда не болят зубы, а от хлеба могут болеть.

Мама только головой покачала, потом отвела меня в сторону и говорит:

— Костя, попробуй, «заговори ему зубы», расскажи ему, пожалуйста, какую-нибудь историю. Он и поест яичко вместе с хлебом, хорошо?

Я, конечно, согласился. Вынул из кастрюльки яйцо, положил его в блюдце, сел рядом с Мишкой и говорю:

— Я тебе сейчас расскажу какую-нибудь историю, а ты тем временем будешь есть.

А Мишка очень любит, когда я ему что-нибудь рассказываю. Он готов слушать меня хоть целый день.

Я придвинул ему хлеб с маслом и говорю:

— Откуси, и я сейчас начну.

Он послушно откусил, а сам смотрит мне прямо в рот, ждёт, когда я начну.

Я думаю, что же ему такое рассказать...

— Мишка, а тебе весёлое рассказать или страшное?

— Весёлое. Нет-нет, страшное...

— Рассказать тебе про бабу-ягу, как она детей похищала.

— Лучше весёлое.

— Рассказать тебе, как один мальчик на ракете полетел на Луну?

— Десять раз рассказывал...

— Ну, тогда про курочку-рябу, как она снесла яичко.

— Ну-у...

Я говорю:

— А ты думаешь, про яичко неинтересно?

— А чего интересного...

— Чего интересного? Вот, смотри, тут перед тобой лежит яйцо. А ты знаешь, что такое яйцо, из чего оно состоит?

— Подумаешь?.. Из скорлупы.

— Правильно. А ещё из чего?

— Из белка.

— Правильно. А из чего ещё?

— Чего ты ко мне пристал?.. «Ещё из чего»... Ещё... Ещё... Ну, из желтка.

— Правильно. Это ты знаешь. А ты знаешь, что из таких яиц вылупливаются цыплята? Вдруг услышишь: «Тук! Тук!» А это цыплёнок стучит внутри. Ему там тесно делается. А потом — раз! — скорлупа как треснет, и вылезает цыплёнок!

Я вижу, как Мишкины глаза становятся совсем круглыми. Тогда я беру яичко, подношу его к ушам, как будто я прислушиваюсь, шевелится там внутри цыплёнок или не шевелится.

Мишка следит за каждым моим движением.

Я говорю:

— Сейчас ещё не слышно, но скоро может быть будет слышно. Разбивай яйцо и ешь, а я буду дальше рассказывать.

И я начинаю рассказывать Мишке, что цыплята бывают инкубаторские — это такие, которые вылупливаются на заводах, а остальные цыплята вылупливаются из яиц, когда на них долго сидят курицы.

Но тут я замечаю, что Мишка ест только один хлеб — сначала мякиш, потом корочку,

а яичко даже не собирается разбивать.

Я конечно, сразу же перестал рассказывать и спрашиваю у Мишки, почему он не ест яйцо. Мишка отвечает:

— Не буду.

— Почему?

— Не буду и всё.

— Я тебе рассказываю-рассказываю, а ты не будешь и всё?

— Пристал и пристал... Не буду я их есть. Может, из них будут вылупливаться цыплята, а я буду есть, да?..

Тогда я сам разбил яйцо и показываю Мишке, что там только белок и желток, а цыплят никаких нет.

А Мишка говорит:

— Всё равно не буду. И с тех пор он яйца вообще не ест. Мы все столько раз уговаривали этого упрямого мальчишку— и мама, и бабушка, и папа, и я, столько ему объясняли, что из тех яиц, которые он ест, цыплята не вылупляются. А он всё равно их не ест.

Папа однажды даже открыл Малую Советскую Энциклопедию, последний том на букву «Я», и прочёл Мишке вслух, что яйцо куриное — это ценный продукт питания. Оно содержит кальций, фосфор, железо и другие минеральные вещества, а также витамины А, Д, В, Е, К и др.

И это не помогло. Мишка заявил, что все эти минеральные вещества, а также витамины можно купить в аптеке. А не обязательно их брать из яйца куриного.

Кончилось тем, что папа очень рассердился, и сказал Мишке, что он вообще может перейти питаться в аптеку.

А кому влетело, вы, конечно, догадываетесь.

Бабушка попробовала за меня заступиться и сказала, что я не сильно виноват, потому что Мишка впечатлительный ребёнок.

Я хотел сказать, что между прочим я тоже впечатлительный. И не так уж мне приятно, когда я не виноват, а мне влетает.

Но я не сказал ничего. Пусть влетает, раз уж мне так не везёт...

Невезучка закаляется

Я в самом начале уже успел сказать, что я решил закаляться и вышел в пятнадцатиградусный мороз в одной рубашке.

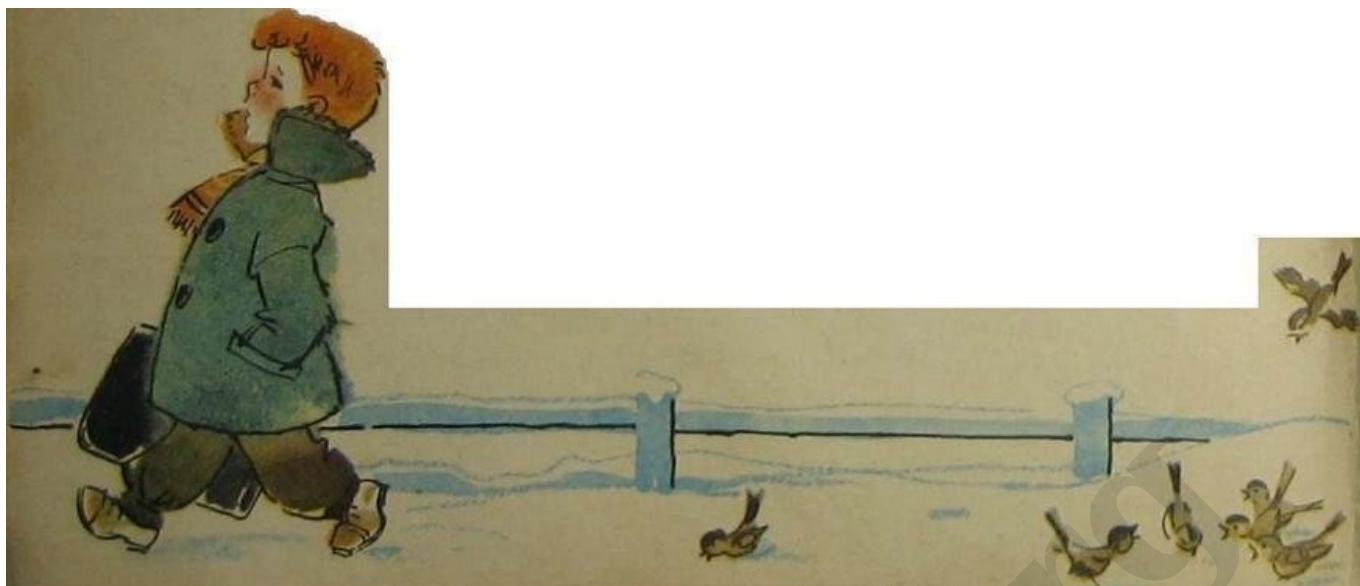
Вот как это произошло.

Из всех времён года я больше всего не люблю зиму. То есть, вообще-то я ее люблю - можно в снежки поиграть, на лыжах покататься, на коньках, можно лепить снежных баб. Но мне не нравится, когда вместо закаливания организма приходится надевать на себя тёплые вещи и наматывать на себя разные шарфы...

Папа лично тоже стоит за закаливание организма. И мама тоже, но только на словах. А на деле всё-таки возьмёт и заставит меня потуже замотать шарф вокруг шеи.

Но главный враг моего закаливания — это бабушка. Вообще я люблю бабушку, но зачем она забывает, что раньше тоже была ребёнком, как я.

Мама, например, рассказывает, что когда бабушке было тоже семь лет, она бегала босиком с утра до вечера в любую погоду и даже залезала на деревья!.. А теперь бабушка всё это забыла. Она ведёт такую политику, чтоб меня всячески кутать. Такая пожилая женщина, а не понимает, что разные микробы и вирусы попадают в человеческий организм через нос и через рот. А как раз и нос и рот, когда я гуляю, не закутаны, просто смешно...

И вот, в один прекрасный день я увидел в окно, как во двор вышел Макарычев. Он вышел без всякой шапки, только в пальто. А на улице было целых пятнадцать градусов мороза ниже нуля!.. Конечно, он решил похвалиться, что он закалённый. И как я только увидел Макарычева в таком виде, я тут же решил уговорить бабушку изменить её политику. Я сказал бабушке:

— Сейчас я иду гулять. Ты мне, конечно, начнёшь давать разные слишком тёплые вещи, но давай, бабушка, договоримся, что ты не будешь настаивать. Я решил закаляться.

Я думал, что бабушка будет обязательно против. А она всё-таки хитрющая. Она говорит:

— Я не возражаю.

Я так обрадовался, что даже сразу не ответил.

А бабушка продолжает:

— Но только если ты будешь закаляться постепенно.

— Конечно, постепенно! — говорю я. — Вот сейчас я пойду без шапки. Сегодня вечером выйду без пальто. А завтра утром можно будет попробовать пройтись в одной рубашке.

Бабушка засмеялась и говорит:

— Шутник же ты у меня!

— Почему шутник?.. — удивился я. — Человек говорит тебе серьёзно, а ты — «шутник»...

Тогда бабушка начинает мне возражать и говорит:

— А если серьёзно, то как же ты не понимаешь, что закаляться постепенно означает совсем другое.

Мне сразу стало грустно. Сейчас, конечно, бабушка скажет, что нужно каждое утро регулярно делать зарядку.

— По утрам делать зарядку, — сказала бабушка. — А ты её регулярно делаешь?

Я промолчал. Конечно, я зарядку не делаю регулярно каждое утро.

— Потом делать обтирания. Начать с комнатной воды, а затем перейти на холодную. Ты это делаешь?

Я и тут промолчал. Однажды папа показал мне, как делать эти самые обтирания, я их два раза сделал, а потом перестал.

— Свободное время стараться проводить на воздухе, во всякую погоду, — продолжала бабушка. — Тогда ты совсем не будешь простужаться. А сколько тебя надо упрашивать, чтобы ты вышел погулять? Молчишь? То-то. Силы воли у тебя, мой дорогой, не хватает. А если не хватает у тебя силы воли, то и ходи вот так, как до сих пор ходил, закутанный, и но протестуй!..

Она говорила, а сама в это время надевала на меня зимнее пальто, натягивала на меня тёплую шапку и, конечно, противный тёплый шарф тоже.

Когда я окончательно превратился в куклу-матрёшку, бабушка открыла передо мной дверь на лестничную площадку. И ещё сказала вдогонку:

— Не забудь дышать носом. На улице мороз. Пятнадцать градусов ниже нуля.

И вот я спускаюсь по лестнице, и так мне обидно: «Ну почему никто из взрослых не догадывается, что у меня много силы воли — ни папа, ни мама? А особенно бабушка не догадывается»...

И прямо так мне стало из-за этого обидно, что я тут же твёрдо решил: «Вот возьму сейчас и докажу, пускай удивляются. Всем докажу, что у меня много силы воли. И не только на какое-нибудь там постепенное закаливание, а на настоящее закаливание. Срочное».

Выхожу во двор и думаю, кто же сейчас увидит, как я смело закаляюсь, когда почти никого кругом нет. Одна только мелюзга из детского сада играет в снежки. Правда, какая-то женщина гуляет со своим совсем маленьким ребёнком. Тоже закутала его — прямо какой-то шарик, а не ребёнок. Вот и хорошо, пусть хоть эта взрослая женщина посмотрит, как надо закалять детей.

И всё-таки жалко, что во дворе будет мало свидетелей...

И вдруг я обрадовался: я увидел, как вдали, слева из-за угла, там, где у нас помещается булочная, показался Вовка Макарычев — наверное, он за хлебом ходил, Идёт себе, помахивает головой. Без всякой шапки. Идёт спокойно, как будто его голове совсем не холодно, воображала!..

Тут я окончательно решился. Сбросил с себя пальто, швырнул его на заборчик — у нас во дворе такой садик, а вокруг него низкий заборчик. Потом швырнул на заборчик шапку, так что она свалилась тут же прямо в снег.

Женщина, которая была с ребёнком, увидела это и от удивления даже руками схватилась за лицо. Тогда я и шарф размотал, бросил его тоже и пошёл как ни в чём не бывало навстречу Вовке Макарычеву.

Когда я проходил мимо женщины, я услышал, как она сказала:

— Батюшки!..

Больше она ничего не сказала. А может быть, я другого не расслышал, потому что всё моё внимание теперь уделялось Макарычеву. Мне хотелось не прозевать и увидеть, что появится на его лице, когда мы встретимся. Представляю себе, как он удивится!..

Конечно, он удивился. Но он сказал совсем не то, что я ожидал. Во-первых, он спросил:

— Гуляешь?

Ну я отвечаю как ни в чём не бывало:

— Гуляю. А что?..

Он говорит:

— Мой дядя из Новосибирска рассказывал: у них там в Сибири есть такие — в бане напарятся-нажарятся, а потом совсем голые выбегают и как повалятся в снег. И лежат себе, как будто на траве летом.

Я уже начинаю сильно дрожать от холода, но стараюсь, чтоб Макарычев этого не заметил, и отвечаю:

— Под-думаешь... Когда есть сила в-воли, можно... и голым на снег.

Тут Макарычев начал торопиться и говорит:

— Забыл шапку надеть, голова замёрзла. А тебе не холодно?

Теперь у меня уже зубы стучат друг об дружку, так мне холодно. Но я всё-таки бодро так говорю:

— Н-нет... Ва-ва-ва... Что ты! Ва-ва-ва-ва... Совсем не хо-о-лодно...

Макарычев засмеялся и говорит:

— А у самого зуб на зуб не попадает!..

Я сказал, что попадает. И хотел открыть рот и показать, что попадает, но к этому времени так замёрз, что даже рта не мог открыть. А когда мне, наконец, удалось открыть рот, то Макарычев входил в свой подъезд.

Тут подошла ко мне та самая женщина, и в руках у неё моё пальто и шарф. А её маленький ребёнок несёт мою шапку. Женщина сказала сердито:

— Да как же вам обоим не совестно!.. Один без головного убора в мороз прогуливается, а это дитя вовсе обезумело... А ну, надевай свои вещи, быстро! Ты чей будешь сын?

А как я ей мог сказать, чей я сын, когда у меня язык совсем подмёрз и даже не шевелится. И я смотрю на неё, а сказать ничего не могу...

Тогда она окончательно перепугалась, забрала у своего ребёнка шапку, надвинула мне её почти до самых глаз, замотала шарфом моё горло.

Подбежала девчонка из нашего подъезда и говорит:

— Тётяшка! Это из пятого этажа, квартира 98-я!

Женщина попросила девчонку присмотреть за её малышом, а меня подняла на руки, как будто я был грудной младенец, и понесла домой.

Какой у них был разговор с бабушкой, об этом я даже говорить не хочу. Конечно, я после этого заболел, потому что сильно простудился.

Сначала я начал чихать, потом чихать перестал и стал кашлять. А потом одновременно начал чихать и кашлять. Пришёл врач и сказал, что у меня грипп. Но не вирусный, он назвал его банальным.

Я тут же поинтересовался, что такое — «банальный». Врач сказал, что «банальный» означает «заурядный». Бывают, например, банальные люди, то есть заурядные. Но врач предупредил, что всё равно нужно быть осторожным и лежать в постели, не вставать. Иначе у меня могут быть разные осложнения. Например, поражение сердца, воспаление среднего уха, воспаление почек, воспаление лёгких.

Когда врач ушёл, я спросил у бабушки, что такое «заурядный».

— Банальный, — ответила бабушка.

Тогда я попросил бабушку показать мне Энциклопедию на букву «Б».

Я нашёл слово «банальный» и прочёл такое объяснение: «Банальный — заурядный, пошлый, шаблонный по своему содержанию и форме, лишённый выразительности и своеобразия».

Когда я это прочёл, я ещё раз убедился, какой я всё-таки невезучий. Конечно, неприятно болеть гриппом, никто не говорит. Но уж если болеть, то, по-моему, лучше настоящим, вирусным, а не каким-то там пошлым...

И всё-таки, хотя мне и стало очень досадно и обидно, но я был осторожен и лежал в постели, не вставал. Но несмотря на это, мой шаблонный по своему содержанию и форме грипп дал мне одно осложнение лёгких. Я не знаю, какая бывает температура при вирусном гриппе. Но при моём гриппе температура подскочила до тридцати девяти и пяти десятых градуса! Вот это «лишённый выразительности и своеобразия»... Везёт же человеку!

И опять меня стали колоть. Правда, уколы не такие, как тогда, когда укусила собака. Может, и они были банальные. Но было больно. С тех пор я твёрдо знаю — раз банально, значит, плохо.

Невезучка принимает чужие лекарства

Я забыл сказать, что когда я был болен, я принимал столько лекарств, что вы даже не поверите.

Но когда больному человеку приходится глотать лекарства, тут, конечно, ничего не поделаешь, так полагается.

Но разве полагается совсем здоровому человеку глотать лекарства? Ясно, не полагается. Но такое уж у меня везение, что мне пришлось глотать лекарства в то время, когда я был совсем здоровый!..

Я выздоровел после гриппа и воспаления лёгких. После этого прошла примерно неделя, и вдруг заболел Мишка.

А заболел вот почему. Он не бегал в одной рубашке на морозе и не заражался от другого больного ребёнка. Он просто глотал снег. Вы не удивляйтесь, я вам точно говорю — глотал. Такой он у меня странный младший брат.

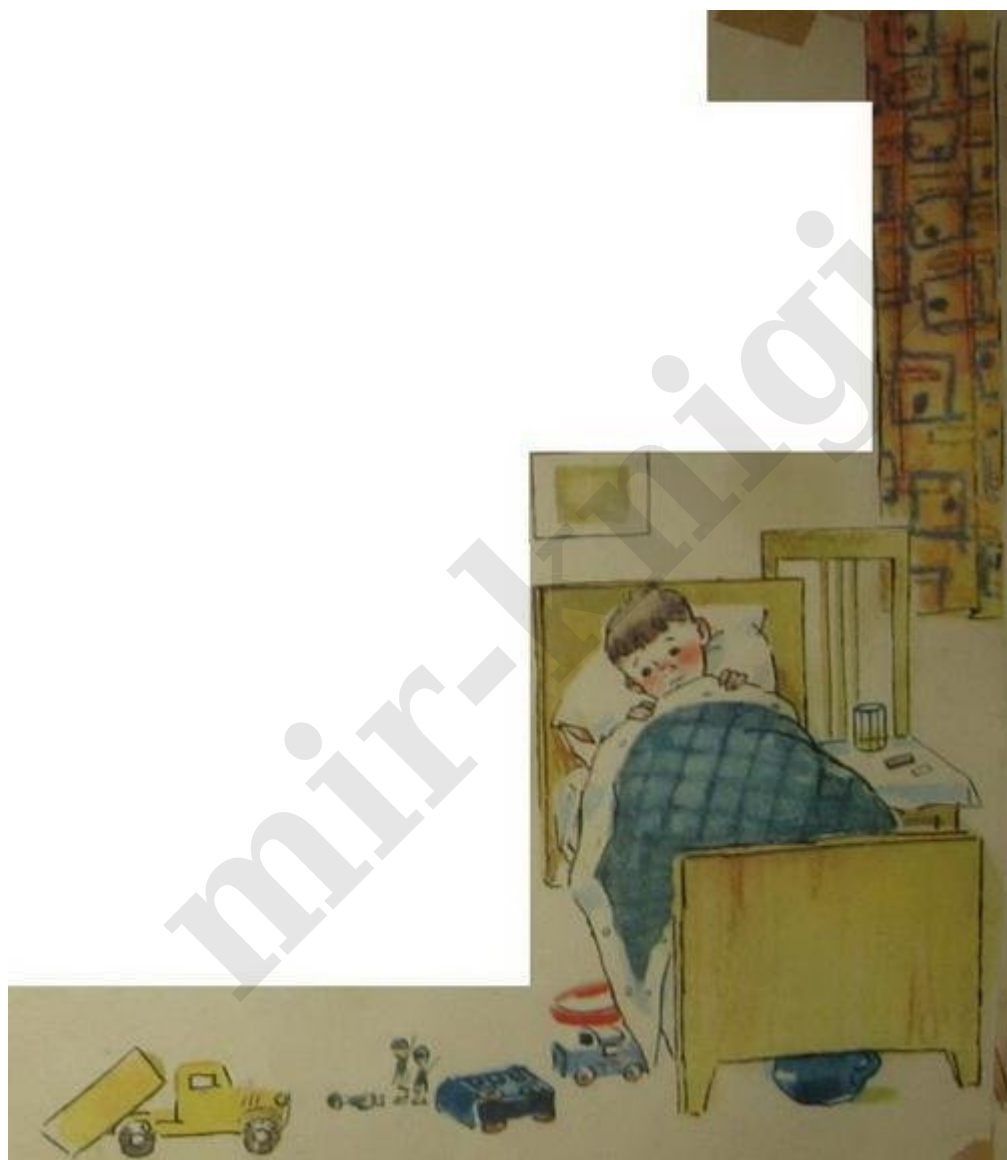
Вообще я заметил, что в этом возрасте у детей бывают очень странные привычки, и с этими

привычками надо бороться. Например, один мальчик из детского сада жуёт пластилин — я сам видел. Мишка наш ещё год назад начал есть мел, а сейчас переключился на снег.

И вот в один прекрасный день он вышел во двор и наелся снегу. А снег был грязный, и поэтому в нём содержалось много микробов. Ну, и Мишка, конечно, сразу простудился — заболело горло, началась ангина; температура, ясное дело, повысилась. Вот и уложили его в кровать.

И тут начинаются мучения, потому что он отказывается принимать лекарства.

Когда я болею, я принимаю любое лекарство, которое дают. А у него другой возраст, и он отказывается.

Мама его по-всякому упрасивает: и книжку готова ему читать, и даже готова танцевать для его королевского величества-Мишки Первого, а это величество — ни в какую!..

Папа то просит, то настаивает, а этот противный ребёнок отказывается, и всё. Бабушка на всё это смотрела-смотрела, совсем расстроилась и ушла к себе, легла на диван...

Я тоже расстроился — и говорю родителям:

— Вы идите, пожалуйста, и занимайтесь своими делами, а он у меня примет все лекарства, как миленький. Даю вам честное октябратское слово!

Папа говорит маме:

— Ну, раз человек даёт октябратское слово, значит, он уверен в своих силах. Значит, мы действительно можем заняться своими делами.

И вот мы с Мишкой остались вдвоём в комнате.

А он смотрит на меня и ждёт. Ему интересно, что я буду делать.

Я ему говорю:

— Слышал?

— Что?

— Как я давал честное октябратское слово.

— Ну, слышал.

— А раз слышал, значит, немедленно принимай все свои лекарства.

А у него все лекарства лежат на стуле, который придвинут совсем близко к его кровати.

Когда я сказал, чтобы он немедленно принял все эти лекарства, ему не понравилось, что я команду. И он даже отодвинул стул с лекарствами подальше от своей кровати. Я вижу, что его упрямство опять разыгрывается, и говорю:

— Ты понимаешь, что такое честное октябрятское слово? Когда человек даёт это слово, он должен его сдержать.

Мишка говорит:

— А я его давал? Давал?

Я отвечаю:

— Но я же давал!

Он говорит:

— А я тебе велел давать?

— Но раз я уже дал, я же должен сдержать? Вот ты представь себе, что ты октябрёнок...

— А я не октябрёнок.

— Ну, будешь!

Мишка подумал и сказал:

— А если буду, всё равно не стану глотать всякие лекарства.

Ну что вы будете делать с таким человеком! Я стараюсь говорить спокойно, а внутри у меня всё нервничает.

— Всякие лекарства тебе не нужно глотать, а только некоторые, против твоей болезни. Вот они стоят — пирамидон, стрептоцид, вот эта жидкость в стакане и вот этот порошок.

Мишка помотал головой и говорит:

— А я и некоторые не буду глотать. Вдруг из-за двери я слышу папин голос:

— Ну, как там у вас? Я отвечаю:

— Сейчас, папа! Всё будет в порядке! — А сам думаю: «Как же будет в порядке, когда так нехорошо получается... Поручился за человека, дал честное октябрятское слово, а ничего не могу добиться, как будто у меня и в самом деле нет силы воли... Ведь так же мой авторитет пострадает...»

Тогда я решил изменить политику. Я говорю Мишке:

— Эх, ты!.. Нет у тебя смелости и храбрости. Просто боишься принять лекарства!..

Мишка даже присел на кровати:

— Я боюсь?..

— Конечно, боишься!

— Боюсь?..

— Ясно, боишься! Потому что у тебя нет силы воли.

Мишка задумался, и я даже решил, что он прямо сейчас начнёт принимать лекарства. А он кончил думать и спрашивает:

— А у тебя есть сила воли? Я говорю:

— Конечно, есть.

Мишка спокойно заявляет:

— Тогда и принимай лекарства.

Я изо всех сил сдерживаю себя и говорю:

— Значит, ты хочешь, чтоб я принимал лекарства? Да?.. Может быть, болен я, а не ты?.. Может быть, это меня зовут Мишка, а не тебя?

Я чувствую, что у меня дрожит голос и даже слёзы появляются на глазах.

Мишка это всё замечает и, наконец, соглашается:

— Хорошо, давай...

Я обрадовался и придвигаю ему стул с лекарствами. А он говорит:

— Нет, сначала ты, потом я. Мне одному скучно глотать. Сначала ты все лекарства проглоти, а потом я проглочу.

— Честное слово?

— Конечно!..

Я подумал-подумал и решил соглашаться. Мне же не привыкать принимать лекарства. Ещё совсем недавно столько пришлось их проглотить во время болезни! Зато я сдержу слово и сумею сказать родителям, что всё в порядке.

Я начал с пирамидона. Проглотил таблетку и запил её жидкостью, которая была в стакане. Тут же я поморщился, потому что эта жидкость оказалась очень горькой. Но я, конечно, не сказал об этом Мишке, потому что он тогда бы не стал её пить.

Мишка с удивлением смотрел на меня, когда япил жидкость, потом говорит:

— Ты одну таблетку проглотил, а я эти таблетки должен по две штуки глотать.

Тогда я, ни слова не говоря, проглотил вторую таблетку пирамидона, снова запил жидкостью и взялся за стрептоцид.

Мишка говорит:

— А эти, большие, я должен по одной проглатывать.

Я проглотил и эту большую таблетку и снова запил горькой жидкостью из стакана.

Мишка снова посмотрел на меня с удивлением, а я ему говорю:

— Ну, вот. А теперь давай ты. Как договорились. Начинай пить это питьё, тут как раз твоя доля осталась, а потом таблетки. Или принимай, как я, таблетки и запивай питьём.

Мишка говорит:

— А это совсем не питьё. Это для полоскания горла.

Я с ужасом смотрю на стакан и говорю страшным шёпотом:

— Это же, наверно, яд! Почему ты мне сразу не сказал? Когда я пил?!

Мишка говорит:

— А ты спрашивал? Ты всё время пьёшь и пьёшь. Я думал, тебе нравится...

А я держусь за живот. И вдруг подумал: «А если я отравлюсь?»

Когда я так подумал, я закричал. А Мишка начал плакать. Прибежали и папа, и мама, и бабушка. Они решили, что с Мишкой случилось какое-то несчастье.

Я увидел их перепуганные лица и говорю:

— Только вы не волнуйтесь. Может быть, я в эту самую минуту отравлюсь...

И Мишка плачет ещё сильнее и говорит:

— Он выпил моё полоскание...

Бабушка говорит:

— Боже мой... Что было в стакане?.. Что ты туда налила, Оля?

Мама говорит дрожащим голосом:

— Раствор... Йод... Глицерин... Его же, наверно, нельзя пить...

Папа говорит:

— А, может быть, ничего страшного?..

Бабушка говорит:

— Надо спасать ребёнка.

И все начали меня спасать.

Когда человек отравляется, он должен всё время пить молоко. Дома оказалось три бутылки молока. И ещё немного молока было оставлено кошке Гипотенузе, чтобы она поужинала. Меня заставили выпить все три бутылки и ещё кошкино молоко тоже.

Из-за этого я сейчас на молоко даже смотреть не могу.

А когда меня спасли, то мне же, конечно, и влетело.

Невезучкина тайна

Однажды папа сидел и читал журнал «Огонек». А я делал уроки.

Папа закрыл журнал и говорит:

— Интересно...

Я перестал делать уроки и спрашиваю:

— Что интересно?

— Интересно, что известный итальянский учёный спит всегда 5 часов в сутки. Его фамилия Петруччио.

— А зачем он так мало спит? Папа сказал:

— Ему этого достаточно. А время, которое остаётся свободным от сна, он, вероятно, использует для работы. Я говорю:

— А я сплю 10 часов. Как два Петруччио. -

Папа засмеялся и говорит: — Тебе и надо столько спать. Ты ещё маленький.

Но я начал думать по-другому. Я начал думать, что теперь, наконец, понимаю, почему я так мало успеваю сделать в жизни. Очень просто: я много сплю.

И я решил, что я буду спать столько, сколько этот учёный Петруччио — 5 часов и не больше.

Конечно, если я скажу об этом папе, а особенно маме или бабушке, они станут меня уговаривать: «Не делай так, не смей! Ребёнок должен спать не меньше десяти часов, иначе будет вредно для здоровья... Организм требует...»

Поэтому я решил спать всего 5 часов тайно, чтобы никто-никто об этом не знал и даже не догадывался.

И вот однажды я раздеваюсь и, как всегда, ложусь в постель. 9 часов вечера. Мишка уже спит. Бабушка в другой комнате о чём-то разговаривает с мамой.

Я сплю в одной комнате с Мишкой и бабушкой. Мишка спит всегда крепко, а бабушка иногда просыпается. Поэтому самое важное — это скрыть мою тайну от бабушки.

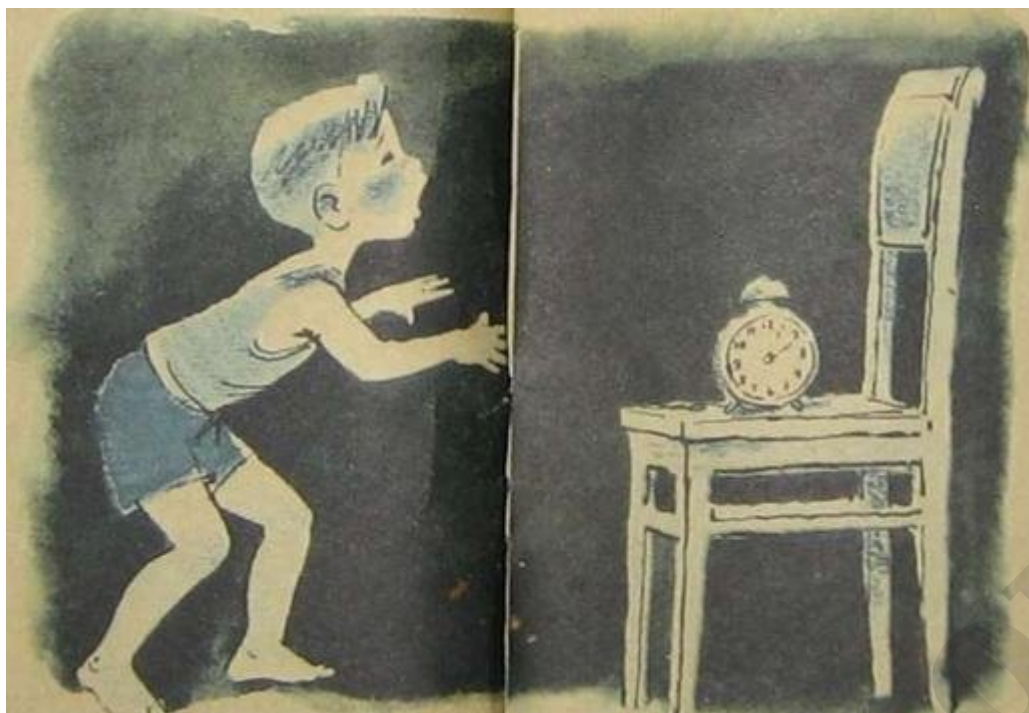
Прежде всего надо вычислить, когда мне проснуться. Ложусь я в 9 часов вечера. Если к ним прибавить 5 часов, то получается 2 часа ночи. Вот и хорошо, значит, я буду теперь просыпаться и начинать свой день с двух часов ночи.

Перед тем, как заснуть, я себе тихонько, но настойчиво говорю: «2 часа ночи... 2 часа ночи»... Это я внушаю своему мозгу, когда мне надо проснуться, отдаю ему приказание.

Так может делать не каждый человек, а только такой, у которого есть сила воли. Я лично всегда так делаю: перед сном говорю себе вслух, когда надо встать и точно в это время просыпаюсь. Поэтому мне никаких будильников не нужно. Раз есть сила воли, то можно обойтись и без будильников. Так меня научил папа.

И на этот раз получилось, как я хотел. Просыпаюсь. В комнате совсем ещё темно. Окна у нас закрыты шторами. Между ними посередине всегда есть хоть какой-нибудь просвет. Когда я просыпаюсь утром, то через этот просвет сразу видно, что уже утро.

А сейчас через этот просвет ничего не видно, потому что ночь. Лежу я в кровати и думаю: «Ну вот, я поспал 5 часов. Кажется, организм больше не требует. Но что я теперь буду делать? Этот итальянский учёный, он ведь, наверно, не в 9 часов вечера ложится спать, а может быть, в 12 часов вечера или даже в час ночи. И встаёт поэтому в 5 или 6 часов утра и спокойно себе работает. А что я буду делать сейчас, в 2 часа ночи?»

Прежде всего надо проверить, действительно ли сейчас 2 часа ночи, а потом уже можно будет решить, что мне делать дальше. Я знаю, что будильник всегда стоит на стуле около бабушкиного дивана. Я тихонько встал и, не видя ничего перед собой в темноте, пошёл туда, где должен был находиться диван. Но только я сделал несколько шагов, как наткнулся сразу на стул и сильно ушиб колено.

А самое главное — от шума проснулась бабушка и спрашивает:

— Что?.. Что такое?..

А я застыл в темноте и даже дышать перестал.

Бабушка зевнула, перевернулась на другой бок. Я подождал ещё немного и стал снова осторожно продвигаться к дивану.

А сам думаю, только бы не задеть стул, на котором стоит будильник. Чтобы не задеть этот стул, я вытянул вперёд руки и стал передвигаться маленькими шажками.

Наконец мои руки нащупали спинку стула, опустились ниже. Вот и будильник.

Я его осторожно взял и стал так же, очень медленно и тихо, передвигаться к двери. Сильно болело ушибленное колено, но я на него не обращал внимания. Мой план был такой: я тихо открываю дверь, выхожу в переднюю, потом на кухню — там светло и можно увидеть, сколько сейчас времени, и вообще обдумать, что делать дальше.

Но вдруг Мишка позвал: — Бабушка!..

Конечно, это нехорошо с его стороны, но Мишка всегда ночью привык звать бабушку, когда ему хочется пить или ещё что-нибудь.

Бабушка отозвалась и стала вставать с дивана. Она могла увидеть, что я совсем не сплю, и тогда я бросил под одеяло будильник, сам быстро улёгся и чуть не закричал от боли, потому что металлические ножки будильника впились мне в бок.

А бабушка тем временем зажгла свою настольную лампу, встала, напоила Мишку, вернулась к себе и стала искать будильник.

Я лежу на этих проклятых металлических ножках — и как мой бок терпит — просто не понимаю... А нужно делать вид, что мне очень удобно и что я тихо и спокойно сплю...

А бабушка всё ищет-ищет будильник и что-то бормочет: наверное, удивляется, что не видит его нигде...

Наконец она погасила свет, улеглась и, кажется, заснула.

Тогда я осторожно вынимаю из-под бока будильник. Но только я его вынул, и сразу стало слышно в тишине, как он громко тикает. Пришлось снова лечь на него, но, конечно, не боком.

Прошло ещё несколько минут. Теперь я вижу, что бабушка действительно заснула. И тогда я осторожно встал, тихо приоткрыл дверь и с будильником в руках выскользнул в переднюю, а оттуда — на кухню. Там я посмотрел на будильник — 2 часа 16 минут. Значит, я проснулся точно в 2 часа. Вот это сила воли!

Теперь надо решать, что же делать дальше.

Пока я это решал, я сильно замёрз, потому что был в одних трусиках. Искать свою одежду в комнате в темноте я боялся — ещё разбужу нечаянно бабушку. Я вышел из кухни, открыл стенной шкаф и взял оттуда первое попавшееся пальто, накинул на себя. Оказалось, что это было мамино зимнее пальто.

Тут я услышал чьи-то медленные шаги в большой комнате. Это значит, что проснулся папа или мама. Сейчас кто-нибудь из них выйдет в коридор и увидит меня на кухне.

Тогда я в два прыжка оказался снова в своей комнате. Но я так быстро вбежал в комнату, что краем мамино пальто смахнул на пол стакан с водой, который стоял на стуле около Мишкиной кровати.

Стакан с шумом упал и разбился. Опять проснулась бабушка. Я боялся, что она тут же зажжёт настольную лампу, и решил поскорей забраться к себе в постель. Мешало мамино пальто — тогда я его сбросил, но неудачно: когда пальто падало на пол, оно задело Мишкино лицо.

Мишка проснулся, испугался и захныкал.

Бабушка у него спросила:

— Что случилось?..

— Дерётся кто-то...

— Ну, что ты, глупенький... Кто же с тобой ночью дерётся?..

— Ты не знаешь... Прямо по лицу ударил!..

— Да что ты, Мишенька... Кто ударил?.. Кто?..

— А я знаю?..

Бабушка сказала:

— Просто тебе приснилось, что ты с кем-то подрался. Поэтому ты беспокойно спал и даже сбросил на пол стакан с водой.

— Мне не про драку — мне другое снилось... Как я летаю в нашей комнате... А у меня крылья...

— Понятно, — сказала бабушка, — вот ты одним крылом и смахнул нечаянно стакан с водой.

А я лежу, всё это слушаю и, конечно, молчу.

Вошла в комнату мама и спрашивает с удивлением:

— Что тут происходит?.. Почему вы не спите?..

Бабушка её успокоила и сказала, что ничего особенного не происходит, просто Мишке приснился какой-то летучий сон, и он нечаянно сбросил стакан с водой.

Мишка стал опять возражать, что он не сбрасывал, а мама начала подбирать с пола осколки и вдруг говорит:

— Что это тут у вас на полу валяется?..

Бабушка зажгла свет, и мама говорит с удивлением:

— Это же моё пальто... Как оно сюда попало, и почему оно на полу?

Бабушка говорит:

— Ничего не понимаю... Я его не брала...

Мишка говорит:

— И я его не брал.

Тут я чувствую, что мама в эту секунду на меня смотрит, и делаю вид, что очень и очень крепко сплю и даже немножко стал храпеть.

А бабушка продолжает удивляться:

— Просто чудеса в решете. И будильник я поставила около себя, а он куда-то исчез. Странно...

Мама постояла ещё немного и говорит:

— Да, очень странно... Ну, давайте всё-таки спать, утром разберёмся.

Потом она поправила одеяло на мне, на Мишке и вышла из комнаты, а пальто взяла с собой.

Я подождал, пока мама снова вернулась в свою комнату и пока снова заснула бабушка, а потом опять встал и закутался в одеяло.

А Мишка, оказывается, не спал. Он услышал, что я осторожно встаю, закутываюсь в одеяло, и тихо спрашивает:

— Это ты, Костя?

Я ему отвечаю совсем тихо:

— Тсс... Не шуми.

Тогда он мне говорит тоже шёпотом:

— А что?

Я шепчу ему на ухо:

— Тайна...

Это Мишке только и нужно было. Наверное, на свете нет ещё одного такого человека, который так бы любил тайну, как Мишка.

Он тоже встал и шепчет мне на ухо:

— Я с тобой пойду.

Я боялся, что наш разговор разбудит бабушку. Поэтому я быстро закутал Мишку в одеяло, и мы осторожно вышли из комнаты и добрались до кухни.

Мишка спрашивает:

— Ну?.. Какая тайна?

А сам он сонный-пресонный, даже глаза всё время закрываются. И всё-таки интересуется тайной.

Я говорю:

— Шёл бы ты лучше спать. Вон у тебя даже глаза закрываются.

— Ничего не закрываются...

Я говорю:

— Я же вижу, что закрываются. Твой организм требует ещё больше, чем десять часов сна.

— Ничего он не требует.

Я говорю:

— Нет, требует. Твой организм, если ты хочешь знать, требует двенадцать часов сна, а ты спал всего шесть часов.

Мишка говорит:

— Скажи, какая тайна, тогда я пойду спать.

Я знаю его упрямство и понимаю, что, пока я не скажу, он действительно не пойдёт спать. И мне пришлось рассказать Мишке и про мамино пальто, и про Петруччио. и о пяти часах сна, и о том, что я сейчас найду подходящее занятие и буду работать до самого утра. И вдруг Мишка заявляет, что он тоже найдёт подходящее занятие и тоже будет работать до самого утра.

— Какое у тебя сейчас может быть занятие?..

— А у тебя какое? — спросил Мишка.

Я вижу, что дело кончится плохо, и говорю ему:

— Немедленно иди спать.

Мишка говорит:

— Не пойду.

— Ты же обещал, как только услышишь тайну, так сразу пойдёшь спать.

Мишка говорит:

— Человек может обещать, а потом передумать.

— Иди спать.

Мишка заявляет:

— Если ты всё время будешь говорить: «Иди спать — иди спать», я как закричу, все проснутся и прибегут сюда.

Когда я это услышал, я сразу перестал посылать Мишку спать. И мы стали вместе сидеть на кухне и вместе думать, что делать дальше.

Мишка предложил поджарить картошку. Даже ночью он готов есть свою жареную картошку.

Я взял спички, чтобы зажечь газ. Но Мишка стал требовать, чтоб я ему дал зажечь газ.

Я сказал, что маленьким детям нельзя давать зажигать газ. Тогда он сказал, что он тайно давно уже зажигает газ, когда на кухне никого нет. А если я об этом расскажу маме, или папе, или бабушке, то он им сразу расскажет про мою тайну и про то, как я не давал ему спать.

Я рассердился и сказал, как же ему не стыдно, разве я не даю ему спать ночью? Тогда он сказал, что он не будет этого говорить, если я не скажу про то, что он зажигает газ.

Пришлось всё-таки дать ему зажечь газ. Газ Мишка зажёл, но угол одеяла, которое было на него накинуто, попал в огонь и стал медленно гореть. Я перепугался, и Мишка тоже так перепугался, что даже не закричал. Я сразу сбросил одеяло на пол, и мы оба стали гасить огонь ногами, а потом я налил в кастрюлю воды и вылил воду на одеяло.

На кухне стало очень угарно и я открыл форточку. Мишка тут же заявил, что ему холодно. И тогда пришлось укрыть его обгорелым и мокрым одеялом.

После этого мы решили больше не зажигать газ, не жарить картошку и вообще решили, что ничего до утра не будем есть.

Но не прошло и пяти минут, как Мишка стал хныкать, что он хочет жареную картошку.

Я ему сказал, что никакого газа я зажигать не буду и ему не дам. Даже если он попросит сварить ему яички, и то не дам.

Мишка сказал, что он всю жизнь не будет просить яичек, потому что из них вылупливаются цыплята, а хочет он сейчас только жареную картошку.

Мне так надоело слушать про то, как вылупливаются цыплята, и про жареную картошку тоже надоело!.. Я разозлился и сказал, что из жареной картошки тоже иногда вылупливаются цыплята, и поэтому её есть надо с осторожностью...

Хотя Мишка был очень сонный, но он всё-таки не поверил. Он сказал, что я глупый, и стал опять требовать свою жареную картошку.

Я повторил в двадцатый раз, что газ зажигать не дам, а если он не может обойтись без картошки, пусть ест сырую, мешать не стану.

Мишка ответил, что сырую картошку я могу есть сам, и опять начал хныкать и просить, чтоб я ему дал хотя бы кусок чёрного хлеба.

Он хныкал так противно! Можно было подумать, что он уже много-много дней голодает. Я не выдержал, достал из шкафчика полбуханки хлеба и сунул её Мишке — пусть ест и не хнычет.

Он сказал, что без масла он есть хлеб не будет. Но масло у нас находится всегда в холодильнике, а холодильник стоит в коридоре, совсем близко от большой комнаты, где спят мама и папа.

Я постарался спокойно объяснить, что если я начну открывать и закрывать холодильник, то могут проснуться родители, и тогда нам влетит.

Мишка сказал, что влетит только мне, а ему не влетит, потому что он маленький. Как газ зажигать и палить одеяло, тут он не маленький, а как должно влететь, тут он, оказывается, маленький.

В общем, Мишка согласился есть хлеб без масла, но при одном условии, что я всю ночь до утра буду с ним играть в военно-морской бой.

Пришлось согласиться. Лист бумаги мы нашли на кухне и карандаш нашли на кухне. Нужен был ещё один карандаш.

Я вспомнил, что один цветной карандаш уже давно закатился под кровать. Мне всё время было лень его достать. Но тут я сказал Мишке, чтобы он подождал, а сам тихо, на цыпочках, вошёл в нашу комнату, полез под кровать. И хотя зашиб голову, но карандаш нашёл.

Когда я вернулся на кухню, Мишка... спал.

Он спал, положив голову на стол, около полбуханки хлеба.

Сначала я хотел отнести его и положить на кровать. Но, знаете, какой Мишка тяжеленный? Он каждый день пьёт рыбий жир и весит сейчас прямо столько, что не донесёшь... Я и решил — пускай он спит на кухне, а сам сел за стол и стал рисовать.

Я успел нарисовать парус, стал вырисовывать лодку, и даже не помню, как заснул...

Вы представляете, какой утром был шум? Входит папа утром на кухню, смотрит — сидят два его сыночка, закутанные в одеяла, и спят. На столе — изгрызенная полбуханка хлеба, а на полу — лужа, потому что вода, которой мы гасили огонь, не успела высохнуть...

Он, конечно, позвал маму и бабушку. И мне, конечно, влетело и за себя, и особенно за Мишку. Я уже привык, что мне постоянно влетает, но разве я виноват, что Мишка так любит тайны?..

Невезучка-киноартист

В один прекрасный день возвращаюсь я из школы домой и вижу: навстречу мне идут двое и всё смотрят и смотрят на меня — худой такой мужчина в берете и женщина в тёмных очках против солнца, а на плече у неё висит фотоаппарат.

Мужчина в берете говорит:

— Мальчик, стой!

Я остановился. А он показывает женщине на меня и спрашивает:

— Годится?

Она отвечает:

— Пожалуй.

Я тут же захотел убежать, но худой мужчина схватил меня за руку, потом повернул мою голову в сторону и стал смотреть на меня сбоку.

Я опять захотел убежать, но как убежишь, когда они меня держат: мужчина — за руку, а женщина — за плечо?..

Худой говорит:

— Мальчик, не вертись, пожалуйста, мне нужно рассмотреть твой профиль.

Странные какие-то люди: человек возвращается из школы. Идёт тихо, спокойно, никого не трогает, а они вдруг налетают и начинают рассматривать профиль...

Наконец мужчина в берете сказал:

— Подходяще, Анна Давыдовна. — И потом спрашивает у меня: — Кино любишь?

Смешной какой-то: как будто можно не любить кино...

— Конечно, люблю.

Молодец. А сам сниматься хочешь?

— Я?..

— Конечно, ты. В фильме хочешь сниматься?

Тут я сразу понял. Просто они работают в кино и ищут мальчика, чтобы он играл в новом фильме!.. Конечно, а тут же согласился.

Женщина Анна Давыдовна сказала:

— Уже завтра тебе надо быть на студии, сумеешь?

— Ясно, сумею!..

Они узнали, что я живу совсем близко, и пошли вместе со мной домой договариваться, чтобы мне разрешили сниматься.

Дома были бабушка и мама. Сначала мама была против того, чтобы я снимался в кино. Но когда она узнала, что я буду занят только три или два дня, — согласилась.

Анна Давыдовна пообещала договориться с моей классной руководительницей, чтобы мне разрешили два или три дня не посещать школу.

На следующее утро бабушка привела меня на киностудию.

Вот это да!.. Чего я там только не увидел! Какой-то курносый старичок ходил с настоящей царской короной на голове, а его костюм тащился сзади, прямо пол подметал. Потом я увидел огромного дядьку, великана, а борода у него была красная, до самого пояса... И ещё много-много переодетых артистов. И никто из них на меня не обращал никакого внимания, хотя я тоже должен был сниматься. Может быть, они просто не успели ещё узнать об атом?..

Меня и бабушку привели в большой зал. Он называется — павильон. Потолок там высокий, почти как в цирке. И отовсюду — и сверху, и с боков наставлены огромные электрические приборы, они называются юпитеры.

И вообще столько яркого электрического света, что просто невозможно смотреть. А посредине этого павильона построена целая квартира — три или четыре комнаты. Только они ненастоящие, без потолка, и стены у них не каменные, но издали кажется, что каменные.

Бабушку усадили в сторонке на стуле. А мне стали мазать лицо какой-то мазью и сказали, что это называется общий тон. Оказывается! этим тоном мажут лицо всем артистам, а без этого их не снимают в кино.

Бабушка мне потом сказала, что Анна Давыдовна называлась ассистент. Худой в берете был помощник режиссера. А самый главный режиссёр оказался совсем молодым — он был моложе, чем его худой помощник.

Он погладил меня по голове, как маленького, подмигнул и сказал:

— Значит, будем сниматься?

Я сказал:

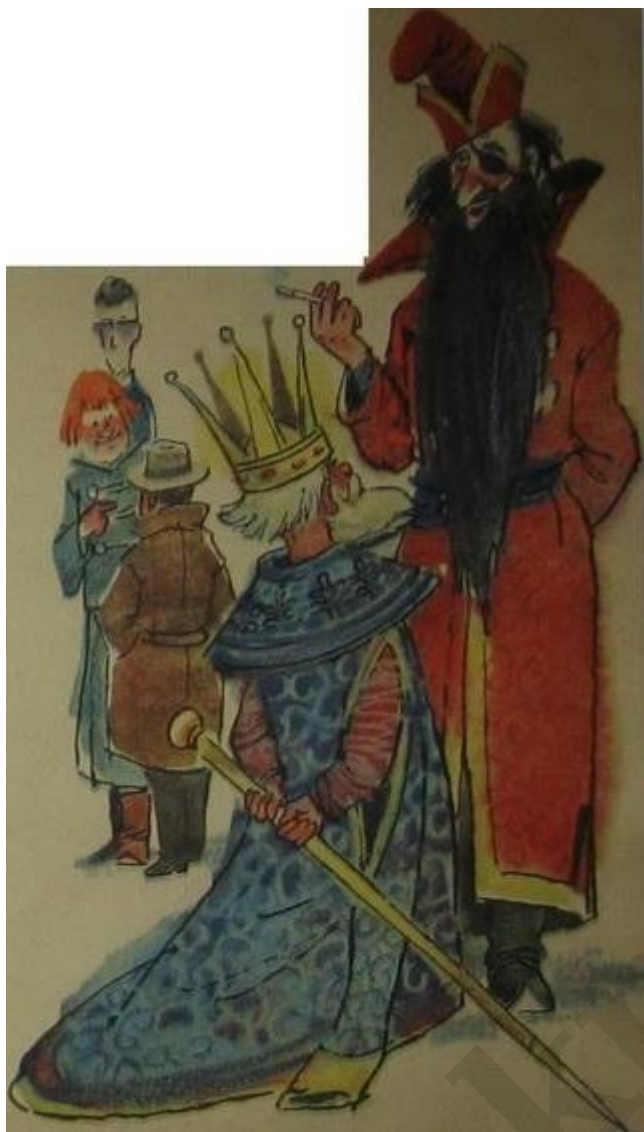
— Конечно, будем...

Я думал, что буду играть самую главную роль, а оказалось, что моя роль была почти без слов. Просто мне нужно было осмотреть пустую комнату, поднять с пола игрушечного зайца, потом позвать кошку, которая сидела в углу, и медленно уйти из комнаты — это называется «уйти из кадра». Только и всего! И из-за этого мне мазали лицо общим тоном!..

Но я всё-таки был доволен, потому что представил себе, как Вовка Макарычев увидит меня на экране, — вот будет завидовать!.. И другие ребята из нашего двора, когда увидят, тоже будут завидовать. Конечно, так прямо не скажут, что завидуют, но будут.

Я бы очень быстро снялся, но мне опять не повезло. На этот раз из-за кошки. Из-за той самой кошки, которая должна сидеть в углу комнаты.

Комната была совсем пустая, потому что её жильцы переехали в новый дом. Они в последний момент забыли о кошке, а их сынок, то есть я, вспомнил про кошку, и он, то есть я, её зовёт и выходит из кадра.

Сначала получилось очень хорошо. Зажгли юпитеры, режиссёр как закричит:

— Мотор!

Я решил, что забыли принести какой-то мотор, и сейчас режиссёр сердится и требует, чтобы его поскорей принесли.

Рядом стоял худой помощник, и я хотел у него спросить, для чего нужен этот мотор. Но он схватил меня за плечи, подтолкнул и говорит:

— Иди-иди... Быстро!..

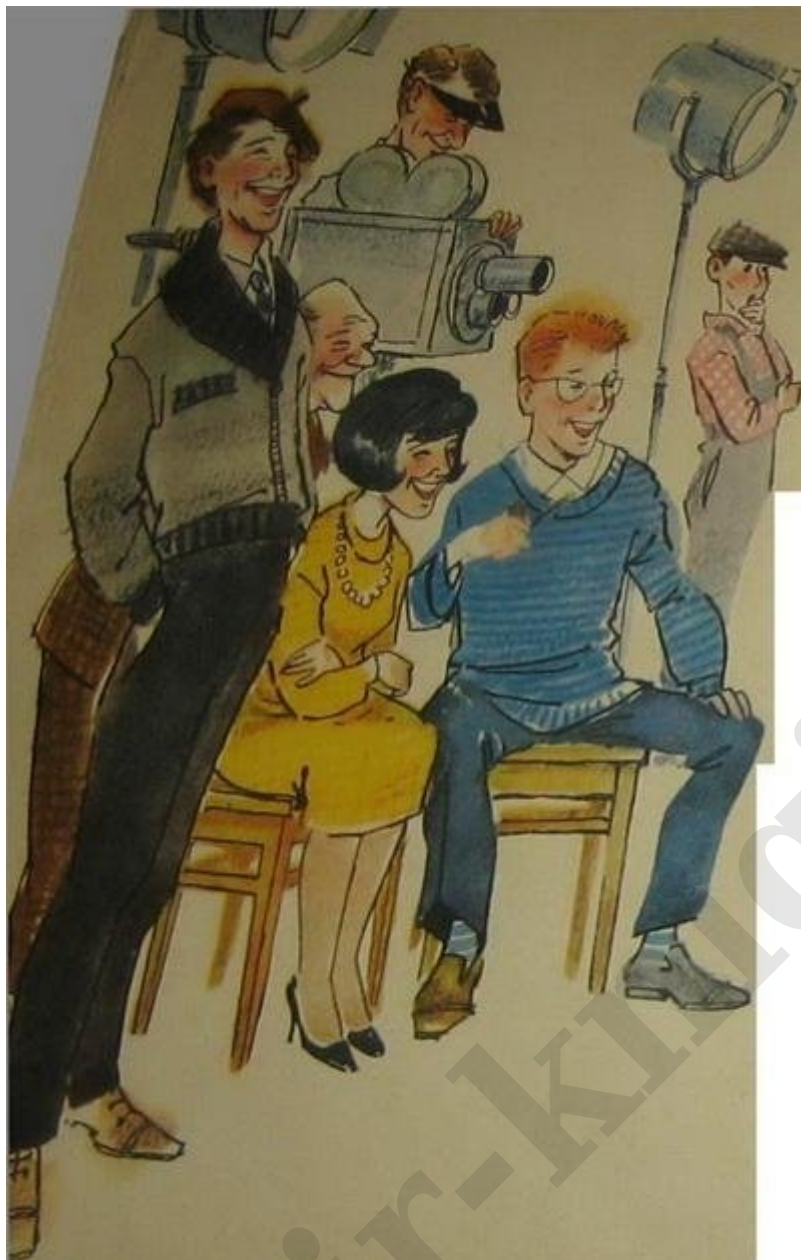
Только потом я узнал, что когда режиссёр кричит: «Мотор!», это значит, что начинается съёмка.

И вот я быстро вошёл в комнату, стал рассматривать её, потом поднял зайца, лотом позвал кошку и пошёл к двери. Но тут режиссер опять как закричит, только уже «Стоп!».

Я подумал, что играл неправильно, но режиссёр думал не про меня. Он крикнул:

— Почему это животное не двигается?!

Оказывается, кошка лежала себе спокойно и совсем не собиралась двигаться. Наверное, её пугал яркий свет или было слишком много людей, и она боялась и не хотела двигаться.

Снова зажгли юпитеры, снова режиссёр закричал: — Мотор!

Я опять вхожу в комнату, осматриваю её, поднимаю зайца, зову кошку и собираюсь уходить. А кошка опять не двигается. Все артисты и вообще все люди, которые тут находятся, даже бабушка, кричат ей:

— Иди!

— Брысь!

— Давай!

— Двигайся!.. А один дядя в халате достал длинную палку, лёг на пол и концом этой палки подталкивает кошку. А она, оказывается, такая упрямая, прямо как наш Мишка, и всё равно не собирается двигаться.

Тогда режиссёр, окончательно разозлился и закричал: — Чтоб я этой рахитичной кошки больше не видел на съёмочной площадке! Вы слышите! Анна Давыдовна, позаботьтесь, чтоб завтра была нормальная кошка!..

И на этом съёмка окончилась.

Когда мы с бабушкой хотели уже уйти, Анна Давыдовна спросила у бабушки, нет ли у нас нормальной кошки.

Бабушка сказала, что у нас есть кошка Гипотенуза. Но поручиться за то, что наша Гипотенуза захочет стать киноартисткой, бабушка не может.

Я сказал, что за Гипотенузу ручаюсь, но если только не будут мазать морду общим тоном.

Анна Давыдовна объяснила, что общий тон накладывают только на лица людей, и она сказала на прощанье, что надеется на меня.

А я, знаете, почему так сказал, что я ручаюсь за Гипотенузу?

Я знал, что Гипотенуза обожает валерьянку. Стоит капнуть на пол даже несколько валерьяновых капель, как она сразу начинает двигаться и суетиться.

И вот на другое утро, когда бабушка положила Гипотенузу в хозяйственную сумку, я потихоньку взял в аптечке бутылочку с валерьяновыми каплями, и мы опять пошли на киностудию.

Там нас встретили уже как старых знакомых. А когда узнали, что мы принесли Гипотенузу, то все обрадовались и удивились, какое у нее интересное имя.

Потом ей налили молока в железную миску, и она, конечно, с удовольствием выпила.

Режиссёр говорит:

— Скоро начнём снимать. А пока прорепетируем.

Пока осветители возились около юпитера, я тихонько вылил в миску полбутылочки валерьянки и дал выпить Гипотенузе. Она, как зверь, набросилась на миску, вылакала все капли и продолжала с такой яростью облизывать миску, как будто бы и её хотела съесть.

Теперь я был уверен, что Гипотенуза будет двигаться, как надо.

И вот началась репетиция. Я опустил Гипотенузу на пол. Сам же я стал осматривать комнату, поднял с пола забытого зайца и потом позвал Гипотенузу.

Все стали смотреть, пойдёт она за мной или не пойдёт.

Она пошла, но как пошла!.. Сделает медленный шаг, а потом падает на живот, полежит немножко, а потом опрокинется то на один бок, то на другой... Все начали смеяться, а режиссёр говорит:

— Что за странная кошка!.. Кто-то сказал:

— Как пьяная!

Худой помощник режиссёра говорит:

Сейчас она начнёт мурлыкать: «Шумел камыш, деревья гнулись». Режиссёр спрашивает у бабушки:

— Извините, что с вашей кошкой?.. Бабушка говорит:

— Я сама ничего не понимаю... Она всегда нормально ходит.

А я стою и молчу, просто не знаю, что делать... Я даже не думал, что валерьяновые капли так подействуют на кошку, что она будет ползать на животе. Режиссёр сказал:

— Попробуем ещё раз!

Но когда Гипотенуза снова услышала мой голос, она медленно поползла на животе, а потом стала переваливаться с боку на бок.

И опять все захохотали. А режиссёр закричал:

— Уберите от меня это геометрическое животное! Мало того, что у неё такое имя, так она ещё срывает мне съёмку!..

Мужчина в халате взял Гипотенузу и говорит:

— Всё понятно! Валерьянкой пахнет!.. Напоили беднягу, разве ж она виновата?..

Тут наша Гипотенуза как вырвется из его рук, как прыгнет через юпитер, и давай кувыркаться — прямо как клоун в цирке!

Что тут было!.. Все хохочут, даже за животики держатся. Помощник режиссёра тоже смеётся и спрашивает:

— Кто её напоил?!.

Все стали переглядываться. А бабушка посмотрела на меня, и я опустил глаза.

Режиссёр подумал и сказал:

— Надоело возиться с кошками — одна вообще не ходит, другая шальная какая-то... Хватит с меня!.. Будем делать фильм без кошачьего эпизода!

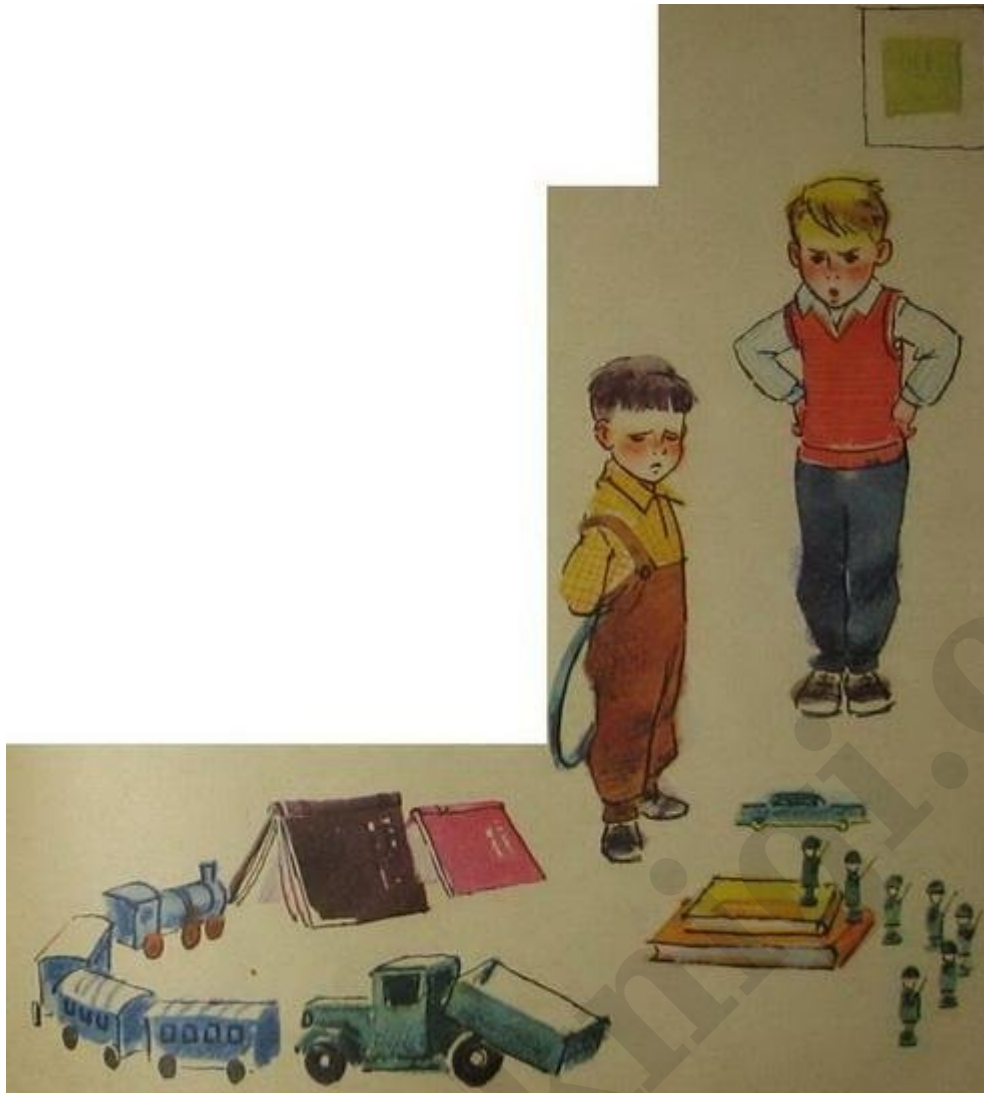
Так кончилась моя работа в кино.

А из-за чего кончилась? Из-за валерьяновых капель, даже смешно... Из-за каких-то валерьяновых капель я не стал киноартистом.

А как бы Макарычев завидовал!.. И все ребята из нашего двора как бы завидовали...

Невезучка-воспитатель

Папа и мама много работают, а у бабушки — много дел дома, она тоже устаёт.

Поэтому мне приходится помогать им воспитывать Мишку.

Когда все дома, я немножко помогаю его воспитывать. Но когда мы с Мишкой остаёмся совсем одни, тогда я его воспитываю сильно.

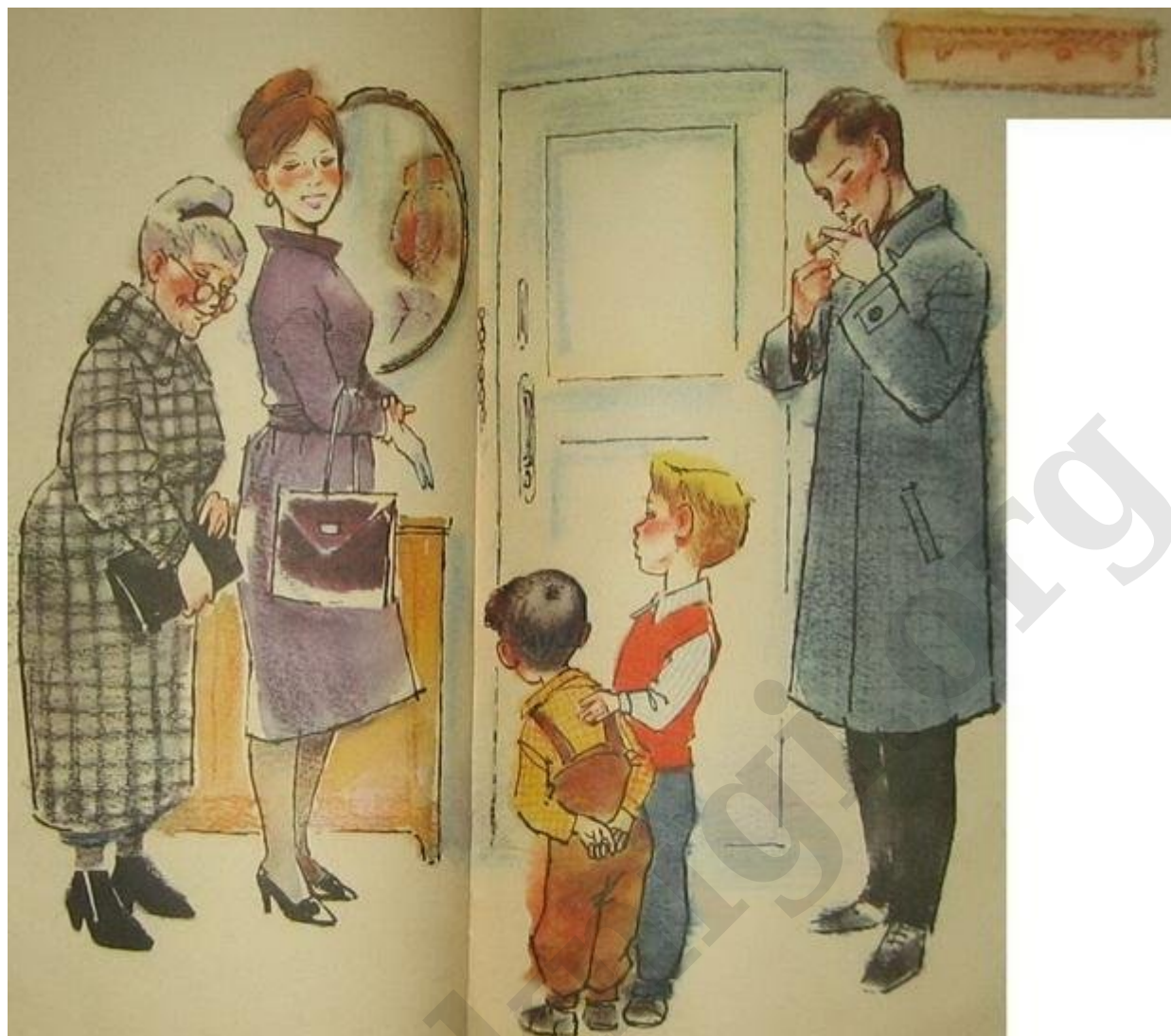
Вот однажды все взрослые пошли в гости к тёте Вере, а нам велели запереть дверь, закрыть её на цепочку и никому-никому не открывать, кто бы ни звонил. Даже если кто-нибудь позвонит и скажет: «Откройте, я из домоуправления!» — тоже не открывать. Если даже нас по имени назовёт, например: «Откройте, Костя и Миша!» — всё равно не открывать...

Может, он нарочно скажет «из домоуправления» или у кого-то узнал во дворе, как нас зовут, чтобы мы сразу открыли, а на самом деле это будет какой-нибудь бандит.

Так сказала бабушка.

А мама ей говорит:

— Ну что ты пугаешь детей?

Папа говорит:

— Скорее уж бандиты испугаются этих детей. Верно, дети?

Я говорю:

— Конечно, верно — станем мы пугаться.

И Мишка говорит:

— Конечно!.. Как бандит войдёт, я его сразу стулом как трахну по голове!

Папа говорит:

— Стулья ломать не нужно.

Все посмеялись. Потом мама велела, чтоб я не забыл дать Мишке молока и чтоб я сам тоже выпил. И она сказала, что если Мишка будет вести себя на пятерку, то она разрешает, чтоб я ему показал какую-нибудь передачу по телевизору.

Мишка тут же наобещал, что он будет вести себя на пятерку с плюсом, потому что он очень любит смотреть телевизор, а ему разрешают смотреть нечасто.

Я отвёл маму в сторону и сказал, что пока их не будет дома, я буду воспитывать Мишку.

Она сказала, что пожалуйста, но только, чтоб я старался говорить с ним спокойно. Совершенно спокойно. А если я не выдержу и буду на него кричать, то никакого воспитания не получится.

Наконец все ушли. Мы заперли дверь и ещё закрыли её на цепочку. Тут я остроумно пошутил. Я говорю Мишке:

— Давай выбирать стул.

— Какой стул?..

— Которым ты трахнешь бандита!

Мишка говорит:

— Да ну тебя!..

И сразу бросился к телевизору и стал требовать, чтоб я его включил.

Я вспомнил, что говорила мама, и говорю ему совершенно спокойно:

— Сразу включать я не буду, и ты не настаивай. А когда будешь вести себя на пятёрку, тогда, пожалуйста. Пускай без плюса, но на пятёрку.

Он говорит:

— А я как веду себя?..

— А ты пока ещё никак не ведёшь.

— Почему никак?

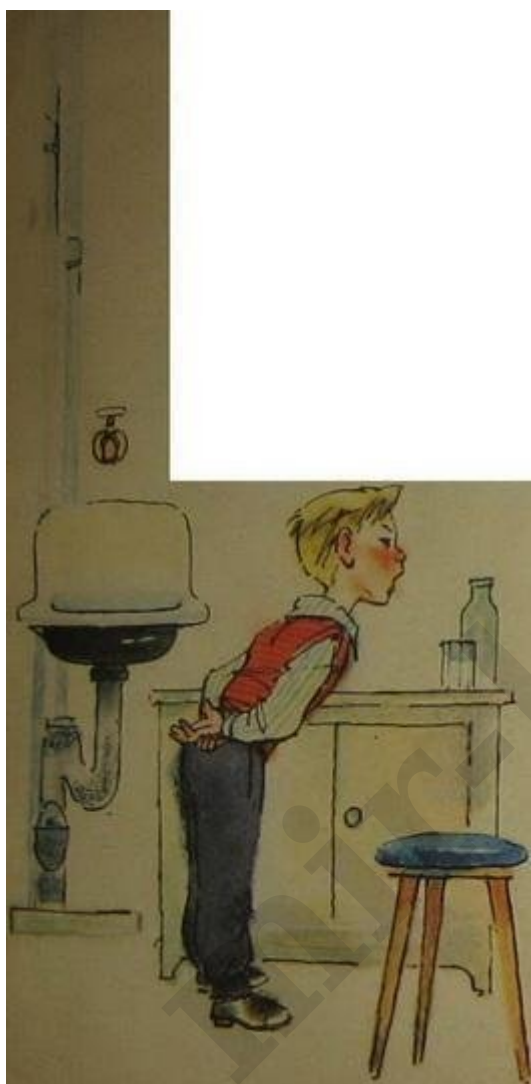
— Потому.

— А я тебя оскорбляю? Не оскорбляю...

Я говорю:

— Ещё не хватало, чтоб ты меня оскорблял. Тогда сразу пару схватишь или кол. В общем, отойди от телевизора, ты ещё рычажок случайно не так покрутишь и поломаешь. А начнёшь себя вести, как полагается, выпьешь молоко и вообще не будешь возражать, тогда, пожалуйста, я включу телевизор и смотри себе на здоровье, что мне жалко что ли?..

Он обиделся, ушёл в нашу маленькую комнату и стал что-то рисовать в альбом — какие-то каляки-маляки...

Я его зову:

— Мишка! Иди, пей молоко! А он рисует и не отвечает. Я ещё раз зову:

— Мишка! Опять не отвечает.

Тогда я решил начать его воспитывать. Вхожу я в комнату и говорю:

— Когда человека зовут, он должен сразу сказать или крикнуть: «Что?» А он всё равно рисует и не обращает на меня внимания.

Я совершенно спокойно опять говорю:

— Когда к тебе обращаются старшие и зовут, это очень некультурно так молчать. Надо сказать: «Что».

Он опять не обращает внимания. Тогда я говорю:

— Конечно, ты можешь на мои слова не обращать внимания. Но учти, что телевизор ты смотреть не будешь!

Как только я сказал про телевизор, что он не будет смотреть, тут он сразу перестал рисовать и стал соглашаться: — Ладно. Позови меня ещё... Я позвал:

— Мишка! Он как закричит:

— Что?!

Я вижу, что воспитание моё действует, и решил дальше воспитывать. Я говорю:

•— Мишка, иди сейчас же и выпей молоко.

Он опять молчит. Я говорю:

— Мишка!.. Он говорит:

— А что ты, Коська, надо мной командуешь? Как Макарычев, всегда любишь командовать... Сам воспитываешь, а сам всё «Мишка! Мишка! Мишка!». Подумаешь, старше на два года, значит, ты можешь меня оскорблять и грубо называть?

(Это он слышал, как однажды мама сказала, чтоб я его называл не Мишка, а Миша или Михаил...)

Я говорю:

— Пожалуйста. Я могу называть тебя Миша. И даже Михаил. Тогда, во-первых, называй меня не Коська, а Константин, и когда ты разговариваешь со старшими, ты должен вставать, а не сидеть на своём стуле, как помещик-

Мишка хмыкнул и говорит: . — Буду я вставать... Я ему опять говорю совершенно спокойно:

— Миша! Сейчас же встань. Он сидит и не встаёт.

Я говорю:

— Михаил! Встань! Он говорит:

— Вот ещё... Я чувствую, что скоро не сумею говорить совершенно спокойно, и обдумываю, что мне дальше делать...

Но тут Мишка вдруг спрашивает:

— А что такое «помещик»? Я говорю:

— Сейчас не время объяснять. Он говорит:

— Время. Я говорю:

— Нет, не время. Он говорит:

— Нет, время. А если не объяснишь, буду вот так до самого сна сидеть.

— Ну и сиди.

— Ну и сижу.

— Хоть до утра!

— И до утра могу! Ну и сиди до утра!

— Ну и буду!

Я вижу, что он может вправду просидеть так до утра, и говорю:

— Ты можешь подумать, что я такой же упрямый, как ты. Так ты не думай — я не такой упрямый, как ты, и я тебе объясню.

И я ему объяснил, что помещики — это такие богатые капиталисты, которые...

Он меня прерывает и спрашивает:

— А кто такие капиталисты?

— Да ну тебя!.. Про кого тебе объяснить, про помещиков или про капиталистов?..

Мишка подумал и говорит:

— Про капиталистов.

— Ну... капиталисты — это такие богачи-буржуи...

Мишка опять перебивает и спрашивает:

— А кто такие буржуи?

Я говорю:

— Если ты меня всё время будешь перебивать своими вопросами, я тебе ничего не буду объяснять! Ты меня нарочно раздражаешь.

— Пожалуйста, не объясняй... Я тебя не нарочно раздражаю...

— Тогда молчи и слушай. Помещики, буржуи и капиталисты — это такие богатые люди. И жадные. Они накопили себе много разных богатств, а сами сидят и ничего не делают.

— Ничего-ничего?

— Ну, конечно, ничего.

— Потому что они старые? Как бабушка?

— Потому что они эксплуататоры! — Я чувствую, что Мишка вот-вот спросит, а кто такие эксплуататоры, и быстро говорю дальше: — На них работают бедные люди, а они их эксплуатируют, просто издеваются.

— Над неграми?

— Не обязательно над одними неграми.

Мишка говорит:

— Я знаю. Эти помещики и буржуи живут в Америке.

Я ему и говорю, что сейчас они живут в Америке, а раньше они жили у нас тоже.

— А когда они жили у нас?

— Давным-давно.

— А когда «давным-давно»?

— Ну, при царе.

— А когда? В каком году?

— Ты бы лучше пил молоко. А то мама придет и увидит! что ты не выпил...

— А ты сначала скажи, в каком году...

— Вот пристал, так пристал!... Ну, в таком году, когда тебя и на свете не было!

И зачем только я ему так сказал?.. Просто я забыл, что он такой впечатлительный...

Смотрю — Мишка замолчал, И так долго молчит. А потом спрашивает:

— Меня не было?.. Меня?

— Конечно, не было.

Он ещё задумался и спрашивает:

— Вообще на свете не было?

— Ну, а где же?.. Конечно, на свете.

— Совсем-совсем не было?

— Ясно, совсем.

— Меня?..

— А кого же? Конечно, тебя!..

Я вижу, у него губы дрожат, а глаза наполняются слезами. Ну, думаю, сейчас заревёт. А он удержался, но говорит тихо, но со своим упрямством:

— А я всегда был на свете.

Я говорю:

— Это же просто смешно!.. Помещики и буржуи были ещё при царе, когда по улицам ходили городовые с усами и саблями. А это было совсем давно, до революции... 50 лет назад. А тебе-то всего 5 лет, в 10 раз меньше. Как же ты мог быть на свете?.. Конечно, тебя тогда не было!..

А он кусает губы и говорит:

— Был.

Тут я стал смеяться, а он начал плакать.

Я всё-таки не думал, что он будет из-за этого плакать, да ещё так громко... Я говорю:

— Эх, ты! Мальчишка называется! Плачешь из-за такого... Что тут обидного, что тебя раньше не было на свете? Даже меня, и то на свете тогда не было, а я старше тебя.

Он плачет и говорит:

— Тебя не было, а я был!..

— Пойми, может, мамы и папы и то не было. И даже бабушки.

Мишка плачет всё равно, даже ещё громче, и говорит:

— А я был! Был! Был!.. Я всегда был на свете!..

И так громко плачет, просто рыдает!..

А у меня какое положение? Я же не могу согласиться и сказать ему, что он всегда был: когда я поступал в октябрята и надел звёздочку, я дал торжественную клятву всегда говорить одну правду.

А с Мишкой в это время такое творится, что вы себе даже представить не можете. Он бледный стал, голос совсем хриплый и всё продолжает настаивать, что он всегда был...

Я чувствую, что придётся ему прямо сейчас разрешить смотреть телевизор. Поведение у него, ясно, не на пятёрку, но нельзя же, чтобы он так сильно переживал...

Я ему говорю:

— Мне что-то захотелось посмотреть что-нибудь по телевизору. А тебе не хочется?

Он немедленно стал плакать тише.

Я достал телевизорскую газету и говорю:

— Сейчас посмотрим, что идёт...

Он стал плакать ещё тише.

Я начинаю смотреть газету и говорю:

— Давай, выбирай: мы будем первую программу смотреть или вторую? Какую ты хочешь?

Он совсем перестал плакать и говорит:

— Я хочу и первую и вторую.

— Ладно. Давай немножко посмотрим первую. А после неё — вторую.

Мишка говорит:

— Нет. Я хочу сначала вторую, а потом первую.

— Ладно. Давай сначала вторую, а потом первую.

Мишка подумал и говорит: - Нет. Не надо «сначала» и «потом». Я хочу сразу смотреть и первую и вторую.

У меня внутри всё начинает нервничать, и я говорю:

— А ты не хочешь, чтоб я тебя стукнул?

Мишка говорит:

— Не имеешь права меня стучать.

— А я без права тебя стукну.

— Не стукнешь: я маленький. Я слышал, как мама тебе тихо говорила, чтоб ты со мной обращался совершенно спокойно.

— Вот я тебя и стукну совершенно спокойно — и за то, что ты издеваешься, и за подслушивание.

Мишка захныкал:

— Я не подслушивал... У меня просто такой слух, что я виноват? Да? Сам сказал, что включит, а сам не включает...

Я испугался, что он опять начнёт плакать,

и говорю:

— Ладно. Вот смотри. Тут написано так: 18-30 по первой программе передача для женщин «Шейте сами»... Ну, это тебе неинтересно...

— Интересно!

— Это же для женщин! Как шить разные платья и кофточки... Неужели ты хочешь это смотреть?

— Хочу.

— Пожалуйста! Это будет через пять минут. А после этого «Шейте сами» по первой программе будет новый киножурнал «Новости сельского хозяйства» № 2, тоже хочешь?

— Конечно, хочу.

— Ладно. Значит, это по первой программе...

Мишка спрашивает:

— А по второй?

Я смотрю газету и говорю:

— А по второй... в это самое время, через пять минут будет передача «10 лет» — десятилетие театральной студии Дома комсомольца Бауманского района... А после этого будет беседа врача из цикла «Коронарная недостаточность и атеросклероз». А теперь подумай и выбери, какую ты передачу хочешь?

Мишка пожал плечами и говорит:

— Костя! Ну, как ты не понимаешь!.. Я все передачи хочу — и склероз хочу, и новости хозяйства хочу, и шейте сами хочу. И из цикла тоже! Я, знаешь, как люблю по телевизору смотреть!.. Я всё люблю смотреть!.. Ну, включай. Костя! Ну, Костя!..

Я так рассердился, что когда включил, повернул рычажок не туда: надо влево, а я стал поворачивать вправо. А он не поворачивается. А я его всё-таки изо всей силы как повернул, и внутри у телевизора что-то хрустнуло и сломалось... Это Мишка меня довёл до такого состояния, что я так повернул.

Я вижу, что я испортил телевизор и прямо чуть не плачу, а тут ещё этот Мишка всё требует:

— Включай!.. Ну, включай!.. Ну, Костя!.. Пять минут уже прошло, а ты не включаешь — там уже передача идёт...

Тут я уже не мог говорить совершенно спокойно. Я как закричу на него:

— Передача идёт, да?!.. Включать, да?!.. Ты ещё скажи, что ты всегда был на свете!.. Вот сейчас мама и папа придут. Они увидят поломанный телевизор, — я из-за тебя его поломал... Они увидят, и тебя тогда уже не будет на свете!..

Мишка говорит:

— Нет, будет. Не я ломал телевизор, это ты крутил...

— А кто довёл меня до такого состояния?.. Может, я сам себя довёл?..

Вдруг за дверью, на лестнице мы услышали чьи-то голоса. Мы оба сразу замолчали. Стоим, молчим и не двигаемся с места. Только на дверь смотрим. Мишка говорит тихо:

— Иди спроси, кто это... Только не открывай.

А сам прячется за мою спину. Я, конечно, тоже испугался — как Мишка. А потом думаю: он же младший брат, я же его воспитываю, а сам пугаюсь. И опять прислушался, взял Мишку за руку и говорю:

— Никогда не надо бояться. Лучше пойдём и вместе спросим, кто это...

Мишка говорит:

— Ты спрашивай, а я не буду...

— Ладно, я спрошу сам, пойдём...

Мы тихонечко подкралась к двери и слышим, как там за дверью кто-то негромко переговаривается.

А Мишка опять спрятался у меня за спиной и толкает меня в бок, чтоб я спросил. Я разозлился и говорю ему шёпотом:

— Ну, что же ты не берёшь стул, чтоб трахнуть бандита?.. Бери, вон он стоит... — А потом подхожу ближе к двери и громко так, и очень строго, как будто я не ребёнок, а взрослый, спрашиваю:

— Кто там?!

За дверью кто-то говорит незнакомым хриплым голосом :

— И куда это ключи запропались?!

Мишка как задрожит, вцепился в мои брюки и говорит :

— Не открывай, Костя! Не открывай!

Я говорю Мишке:

— Отцепись от моих брюк... — И потом опять говорю громко: — Мы вас не боимся... И мы не одни. Но я открывать не буду. Приходите завтра утром, когда будут папа и мама или бабушка.

Я так волновался и так старался говорить, как взрослый, что даже сам не слышал, что я говорю.

За дверью засмеялись. А потом мы услышали, как там зазвенели ключи.

Дверь открылась.

Оказывается, это были папа, мама и бабушка. И они все вошли и стали смеяться. А я думаю: вот вы сейчас смеётесь, а как только узнаете про телевизор, сразу перестанете смеяться.

Мама спрашивает:

— Ну как? Воспитал Мишку?

Я отвечаю:

— Воспитал...

— А почему же ты, Костик, такой невесёлый?..

Бабушка говорит:

— Вообще он, Оля, в последнее время ходит такой мрачный, как туча.

Тут я не выдержал и говорю:

— Хорошо вам всем так говорить. А что мне веселиться?.. По какой причине?.. Пусть мой младший брат веселится: ему всегда в жизни везёт. А я всегда оказываюсь виноватым. И я не могу быть весёлым, потому что мне в моей жизни не везёт, а особенно в последнее время...

И я напомнил им обо всех историях, о которых я вам рассказал в этой книжке.

Мама послушала-послушала и говорит:

— А не кажется ли тебе, мой друг, что везение или невезение — это чепуха? И что во всех твоих так называемых «невезениях» ты сам виноват. Не кажется?..

mir-knigi.org